

Александръ Закржевскій.

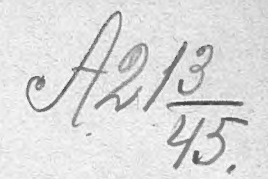
Одинокій мыслитель.

(Константинъ Леонтьевъ).

Къ 25-лѣтію со дня смерти.

Кіевъ, 1916 г.

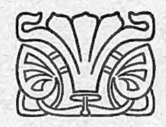
Александръ Закржевскій.

Одинокій мыслитель.

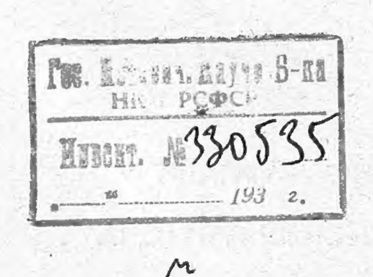
(Константинъ Леонтьевъ).

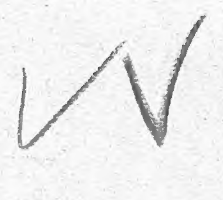
Къ 25-лѣтію со дня смерти.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„Христіанская Мысль“.

Кіевъ, 1916г.

Типографія Первой Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.

Одинокій мыслитель.

(*Константинъ Леонтьевъ*).

К ъ 25-л ѣ т і ю с о д н я с м е р т и.

I.

Есть писатели, которыхъ не любятъ, которыхъ боятся и избѣгаютъ... Никто не говоритъ о нихъ, а если говорятъ, то съ опаской, или съ презрѣніемъ; имена ихъ надолго исчезаютъ въ рѣкѣ забвенья, пока какой нибудь „гробокопатель“ не воскреситъ ихъ. Отчего же молчатъ о нихъ, объ этихъ „вредныхъ“ и „нежелательныхъ“ мыслителяхъ? Не потому-ли, что въ нихъ скрывается нѣчто, чего не въ силахъ переварить охранители стаднаго благополучія? Или, быть можетъ, вовсе не нужны они стаду, и только немногіе, избранные, одиноко взыскующіе невѣдомыхъ откровеній,—достойны вкусить отъ ихъ ядовитыхъ плодовъ?.. И не послужитъ-ли для нихъ ихъ таинственное отъединеніе утѣшеніемъ? Вѣдь все рѣдкостное, все геніальное, все утонченно-смѣлое не можетъ и не смѣетъ быть удѣломъ всѣхъ... Вѣдь еще Еврипидъ сказалъ: „кто черни слухъ плѣнилъ, тотъ мудрецамъ покажется достойнымъ осмѣянія“... Въ этомъ смыслѣ нашимъ геніальнымъ отшельникамъ и изгнанникамъ надлежитъ сугубая хвала и честь... И въ сердцахъ тѣхъ немногихъ, которые ихъ боготворятъ—алмазится вѣчно-нерушимый памятникъ, равнаго которому не въ силахъ создать тусклая пошлость стада!..

Почти никому невѣдомый, или извѣстный въ искаженныхъ понятіяхъ—геніальный русскій мыслитель Константинъ Леонтьевъ, принадлежитъ именно къ этимъ одинокимъ, непризнаннымъ и замалчиваемымъ отшельникамъ... Несмотря на то, что сочиненія Леонтьева вновь переизданы, никто не отважился раскрыть обществу истинное значеніе этого удивительнаго философа.

Леонтьевъ оказался не по вкусу русской интеллигенціи и критикѣ во всѣхъ отношеніяхъ... Онъ былъ не только консерваторъ, онъ былъ прежде всего аристократъ въ широкомъ смыслѣ слова, баринъ и дэнди съ ногъ до головы. Въ то время, какъ въ Россіи царили шестидесятые годы, когда всѣ устремлялись въ народъ и ставили народное благо выше искусства и красоты, этотъ замѣчательный отшельникъ чисто по уайльдовски былъ влюбленъ въ эстетику. Въ то время, какъ всѣ мысли были острижены нигилизмомъ и демократизмомъ и никому и въ голову не приходило думать по иному, Леонтьевъ уже лелѣялъ въ своихъ геніальныхъ замыслахъ тѣ созданья и афоризмы, благодаря которымъ онъ нынѣ вполнѣ справедливо ставится выше Ницше... Но что особенно привело въ тупикъ его современниковъ—такъ это именно религіозно-философскіе взгляды Леонтьева, которые получили названіе инквизиторскихъ казней... Все бы простили ему критики и общество, если бы не эти страшные и демонскіе его замыслы... Изъ за этого-то и отшатнулись отъ него его ближніе... По этой то причинѣ якобы всепонимающій и высокочтимый Леонтьевымъ Вл. Соловьевъ „боялся" писать о немъ въ энциклопедическомъ словарѣ. По той же причинѣ „отскочилъ" отъ Леонтьева „какъ ужаленный отъ гадюки" Рачинскій... Это—лишнее доказательство, какъ рабски боятся у насъ всего оригинальнаго, всего идущаго напроломъ и ломающаго лѣса, всего истинно революціоннаго... Это—уже первый признакъ трусости и ограниченности нашей мысли. Въ этой односторонности—бѣда наша и гибель. Даже деревья въ лѣсу не одинаковы. Въ многосторонности и рѣзкихъ контрастахъ—можетъ быть настоящая богатая и величественная красота... Этого не хотятъ понять... И все приводятъ къ одному знаменателю... Отсюда—скука и убійственное запустѣніе умовъ...

Что захватило меня въ Леонтьевѣ? Прежде всего его личность. Личность, т. е. характерныя черты человѣка, его вкусы, его интимная жизнь, его пороки и добродѣтели, его внутренняя, никому невѣдомая тайна—вотъ что я ставлю выше всего въ писателѣ, даже выше его писаній, которыя всегда въ сущности лишь тѣнь человѣка, а не онъ самъ... Критика мало считается съ личною жизнью писателей,—и это ея коренная ошибка. Это потому, что мы испорчены литературой и у насъ все превращается въ бумагу, т. е. въ гнилую ложь... У писателей даже жизнь бумажная, писатель привыкъ быть внѣ бумаги своей безличнымъ, обыкновеннымъ, сѣрымъ—въ такихъ случаяхъ онъ до того жалокъ, что ему нельзя простить шаблонности... Новый писатель, писатель грядущій, будетъ начинать съ того, что прежде всего сожжетъ свои книги, изъ гигіеническихъ цѣлей, чтобы очистить духъ, затѣмъ онъ долженъ будетъ писать свою книгу, единственную книгу, книгу жизни, кровавой цѣной страданій и подвига онъ будетъ покупать каждую ея страницу, онъ будетъ вынашивать пытку этой страницы крестомъ тяжелымъ на плечахъ своихъ—черезъ всѣ дни, до могилы

концомъ книги будетъ смерть, печатать ее будетъ ледяной смѣхъ вѣчности, читать ее будетъ весь міръ, а останется отъ нея страшный крикъ въ ночи, испепеляющійся въ надрывѣ, отчаянный и безотвѣтный крикъ!..

И у каждаго писателя, болѣе или менѣе глубокаго—есть такая книга. Онъ ее носитъ въ себѣ всю жизнь, самыя счастливыя минуты для него—это создавать такую книгу, сладостно и мучительно ее обдумывать и вынашивать, любовно перелистывать ея необычайныя, багряно-жуткія страницы въ черныхъ безднахъ безсонныхъ ночей, единственное утѣшеніе его это сознаніе, что эта книга никогда не будетъ написана, что эта книга—его святое святыхъ, его гробъ блаженный, его сокровище... Писатель безъ такой книги—только бумажный паяцъ... У Леонтьева была она—эта книга. Онъ унесъ ее съ собой въ могилу. Но на видимыхъ его книгахъ присутствуетъ духъ ея и просвѣчиваютъ ея незримыя страницы... Эта книга была его тайна; та мучительно-трагическая, запечатанная и непостижимая тайна, которая есть сама жизнь, духъ жизни, ея сфинксъ, ея магическая сила!.. Разгадать эту тайну—значитъ прочесть всю книгу. Но это никому недоступно... Можемъ лишь предчувствовать и догадываться, а тѣ немногіе факты жизни Леонтьева, которые мы знаемъ,—послужатъ путеводными нитями...

Кто же такой Леонтьевъ? Могутъ-ли извѣстные намъ факты его жизни, болѣе того—даже его книги—дать понять, почувствовать и увидѣть этого человѣка во всей его духовной наготѣ? Я утверждаю, что нѣтъ. Мы не знаемъ Леонтьева, для насъ онъ—только загадка. То лицо его, которое мы знаемъ—лишь маска... Онъ и не могъ открыться весь, это было невозможно по разнымъ причинамъ. Видимыя черты его—лишь его предчувствія, слова его—лишь намеки, самъ же Леонтьевъ схоронилъ себя въ Оптиной Пустыни...

Разгадать настоящаго Леонтьева—не моя задача. Если разгадаютъ его, если снимутъ маску—въ ужасѣ отшатнутся. Тамъ, подъ этой черной отшельнической одеждой увидятъ вампирный ликъ инквизитора. Тамъ, гдѣ были суровой рукой жестокаго карателя Россіи написаны общедоступныя истины о Христѣ и церкви, быть можетъ увидятъ печать Антихриста... Увидятъ еще болѣе страшныя и жестокія откровенія. И отшатнутся съ еще большимъ отвращеніемъ, чѣмъ раньше. Но такая работа—удѣлъ обличителей и любителей точекъ надъ і... Я не обличаю и не расшифровываю, я беру Леонтьева такимъ, какимъ онъ былъ, я хочу возсоздать обликъ его выпукло и всесторонне, если же коснусь маски—то осторожно, чуть-чуть, пусть тайна его не выявляется вся, а лишь просвѣчиваетъ сквозь маску. Это я дѣлаю, дабы не оказаться одностороннимъ. Для меня важны въ этомъ человѣкѣ обѣ его стороны, мнѣ дорога и понятна его двойственность, въ ней я вижу трагедію болѣе, чѣмъ мнѣ понятную...

Я не отдѣляю личности Леонтьева отъ его писаній. И та, и другія—идентичны. И та, и другія переплетаются въ каждомъ почти его словѣ. Можно даже сказать, что книги Леонтьева—это не что иное, какъ канва, на которой вырисовывается личность его. Вотъ почему онѣ такъ цѣнны.

Беллетристъ, эстетъ, критикъ и философъ—вотъ четыре контура Леонтьева. Всѣ они составляютъ лицо настоящаго Леонтьева, но всѣ вмѣстѣ. Поэтому говорить о Леонтьевѣ значитъ говорить объ этихъ четырехъ сторонахъ его творческаго проявленья... Но не эти стороны для меня важны, онѣ интересны постольку, поскольку въ нихъ проявляется тайна Леонтьева, его мука, его трагедія. Трагедія же Леонтьева—это его вѣра, его отношеніе ко Христу, къ церкви и къ православію. Можетъ быть ни одинъ философъ не былъ такъ интересенъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ Леонтьевъ. Здѣсь все таинственно, какъ въ чащахъ темнаго лѣса, и лишь по временамъ зажигаются блуждающіе огоньки. Религія Леонтьева—это сѣть символическихъ іероглифовъ. Не разгадать ихъ ни критику, ни психологу. Разгадать ихъ можетъ лишь душа родственная, пережившая такой же адъ исканій. Если не постичь цѣликомъ, то хотя бы приблизиться къ пониманію психологическихъ основъ вѣры Леонтьева—вотъ моя задача.

Лицо Леонтьева на портретахъ спокойно, но въ этомъ спокойствіи таится сдержанная гроза. И если всмотрѣться въ этотъ надменный обликъ со сжатыми плотно губами и какимъ то неприступнымъ выраженіемъ красивыхъ глазъ—поймешь желѣзную, какъ бы отталкивающую замкнутость этого человѣка. Такимъ онъ былъ всю жизнь. Онъ любилъ очень много и красиво говорить, даже недолюбливалъ, когда его прерывали, но въ этомъ краснорѣчіи существовала черта, за которой уже не было словъ, а было то таинственное и загадочное, къ чему онъ не допускалъ никого. У него было много друзей, но ни одинъ изъ нихъ, ни Губастовъ, ни свящ. Фудель—не видѣли никогда этого человѣка обнаженнымъ. Не смогъ проникнуть въ эту гордую и замкнутую душу и такой проницательный человѣкъ, какъ архіепископъ Антоній Волынскій. Въ своей предсмертной бесѣдѣ съ послѣднимъ Леонтьевъ ничего, кромѣ чрезмѣрнаго смиренія передъ въ то время еще юнымъ архимандритомъ не обнаружилъ... Мнѣ кажется, что въ этой замкнутости Леонтьева скрывались особыя причины. Леонтьевъ долженъ былъ примириться съ своей ролью изгнанника, котораго никто не понимаетъ и не можетъ понять—и онъ долженъ былъ поневолѣ носить маску. Вѣдь если бы онъ открылся тогда весь—въ эпоху безличности, когда мѣриломъ культурности были Добролюбовъ и уравненіе умовъ—его сочли бы сумасшедшимъ, или преступникомъ!.. Онъ самъ боялся этого. „Можетъ случиться, что весь строй моихъ мыслей можетъ показаться другимъ

уродливымъ" [1])—писалъ онъ. И въ то время, когда Достоевскій и Толстой были любимцами публики, когда ихъ читали и понимали,—имя Леонтьева для всѣхъ было звукомъ пустымъ, какъ сотрудника „Русскаго Вѣстника" и „Гражданина", не болѣе... Да онъ и не былъ нуженъ въ то время. Врядъ ли онъ нуженъ и теперь... Онъ такъ фанатически любилъ свою страну, такъ слѣпо въ нее вѣрилъ, а самъ оказался въ ней лишнимъ и чужимъ. Всякая другая страна сочла бы за честь имѣть такого писателя. Папа и іезуиты сдѣлали бы его свѣтиломъ католицизма, въ Германіи онъ былъ бы вторымъ Бисмаркомъ... Въ Россіи же для него не нашлось роли. Можетъ быть потому, что Леонтьевъ, при всемъ своемъ тяготѣніи къ Византіи—былъ человѣкъ Запада, какъ это ни противорѣчитъ всей его сущности. Въ самомъ дѣлѣ—развѣ русскія черты въ Леонтьевѣ—его врожденный аристократизмъ, его любовь къ красотѣ, его утонченный эстетизмъ, который не оставилъ его и въ отношеніи къ церкви, наконецъ—эта его петроніанская манера жить, жить красиво и гармонично, каждый мигъ жизни превращая въ напитокъ наслажденья?.. Въ психикѣ Леонтьева, что особенно интересно—совершенно отсутствуетъ специфически русская черта міровой скорби, этого характернаго русскаго болѣнія за всѣхъ, этой любви къ обиженному и страдающему брату, этого желанія положить душу свою за други своя, а также—императивной подчиненности принципамъ добра, справедливости, свободы... Ничего этого у Леонтьева и въ поминѣ не было... Наоборотъ, въ воззрѣніяхъ его на жизнь и на человѣческія отношенія рѣзко выдѣлялся черствый, холодный эгоизмъ, эгоизмъ не низкаго качества, не мелко-житейскій, а эгоизмъ человѣка, которому много дано, который призванъ быть въ жизни повелителемъ, эгоизмъ избранныхъ, богато одаренныхъ натуръ...

Онъ былъ справедливъ и даже добръ съ подчиненными, слуги его обожали въ немъ хорошаго барина, щедраго, строгаго, но милостиваго,—но никогда въ отношеніяхъ съ людьми онъ не переступалъ этой, будто заранѣе очерченной границы холодной учтивости и немного высокомѣрной вѣжливости, никогда онъ не позволялъ себѣ дойти въ этомъ отношеніи до любви къ ближнему, это слово было для него пустой фразой, полной лжи. Въ жизни зло и несправедливость ему казались такъ же нужными и даже необходимыми, какъ добро и прочія всяческія добродѣтели, безъ нихъ не было бы того разнообразія и тѣхъ рѣзкихъ контрастовъ, которыя составляютъ красоту жизни, а отъ жизни Леонтьевъ требовалъ прежде всего красоты, ибо жизнь для него была картиной, которую онъ любилъ созерцать, и малѣйшій недостатокъ въ этой картинѣ оскорблялъ въ немъ изысканную натуру художника.

Его психика была аморальна по существу, но это былъ амора-

---

[1]) Курсивъ мой. А. З.

лизмъ аристократическій, вытекающій изъ эстетическихъ понятій Леонтьева, это былъ признакъ высокой одаренности, признакъ настоящаго художественнаго дара, ибо для истиннаго художника нѣтъ ни добра, ни зла, а есть лишь одна красота. Еще Шеллингъ сказалъ, что чистое художественное произведеніе не можетъ быть нравственнымъ, или безнравственнымъ, что эти понятія въ сферѣ искусства теряютъ свое абсолютное значеніе. Леонтьевъ и какъ человѣкъ, и какъ художникъ, и какъ религіозный типъ былъ прежде всего аморалистъ. Эстетическій аморализмъ—вотъ отличительная черта генія Леонтьева, черта опять таки не русская по моему, такъ какъ русскій нигилизмъ былъ амораленъ по другимъ причинамъ, болѣе этическаго характера, чѣмъ эстетическаго. И Достоевскій носилъ въ себѣ аморализмъ именно такого рода (нигилистическій)—въ немъ не было и тѣни эстетики. Леонтьевскій же аморализмъ всецѣло эстетическаго характера. Онъ любилъ зло не потому, чтобы этимъ подчеркнуть его пріоритетъ надъ добромъ, а потому лишь, что и добро, и зло были для него самодовлѣющими категоріями прекраснаго. И здѣсь отличіе Леонтьева отъ Ницше. Послѣдній боролся съ добромъ, исходя опять таки изъ тѣхъ же моральныхъ, этическихъ предпосылокъ, кругъ Ницшевскаго аморализма былъ замкнутъ той же этикой, противъ которой онъ боролся, Леонтьевъ игнорировалъ понятіе добра и зла во имя красоты, и Христосъ, благословляющій дѣтей былъ для него такъ же прекрасенъ, какъ и Неронъ, съ лютней въ рукахъ сжигающій Римъ... Леонтьевъ былъ первымъ истиннымъ художникомъ въ Россіи, безъ чуждыхъ искусству ингредіентовъ морали. Въ этомъ его особенность, въ этомъ же его не-русская черта.

Въ этомъ западномъ аристократизмѣ Леонтьева кроется причина того внутренняго конфликта, который замѣчался между его фанатическимъ патріотизмомъ и его эстетическими понятіями. Этотъ конфликтъ можно прослѣдить на отношеніяхъ Леонтьева къ русскому искусству. Какъ извѣстно, будучи студентомъ, Леонтьевъ воздалъ должное царящему въ Россіи либерализму и сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Консерватизмъ Леонтьева—результатъ долгаго душевнаго процесса, упорной работы мысли. Я бы сказалъ, что это не консерватизмъ, а истинный аристократическій анархизмъ, бунтъ утонченной и художественно-одаренной души противъ установившихся рабскихъ традицій, противъ того самаго рабства мысли, по которому каждый человѣкъ долженъ былъ думать не такъ, какъ ему хочется, а какъ велитъ демократическое, безличное, стадное большинство... Какой ужъ это консерватизмъ! Но буду сохранять традиціонную терминологію, дабы не упрекнули меня въ извращеніи фактовъ..

Отъ либеральныхъ идей, отъ „Современника“ и Добролюбова Леонтьева оттолкнула мысль, явившаяся результатомъ долгаго душевнаго процесса,—мысль, разжевать которую не смогла бы тогдашняя

Россія и которая задолго до Ницше зародилась въ мозгу Леонтьева... Эта мысль выражалась такъ: соціализмъ, имѣющій цѣлью уравнять человѣчество и привести къ нулю все разнообразіе жизни, всю красоту контрастовъ,—въ сущности, въ концѣ концовъ ставитъ въ центрѣ человѣка средняго; безличнаго, стаднаго, того средняго буржуа, къ которому пришла Франція и къ которому стремится Европа. Такимъ образомъ соціализмъ не освобождаетъ и не окрыляетъ человѣка, а ставитъ его въ еще большее духовное рабство, соціализмъ ставитъ ни во что красоту и индивидуальность, онъ пренебрегаетъ религіей, свобода, проповѣдываемая соціалистами, есть миѳъ, ибо въ мірѣ нѣтъ свободы, а есть только право сильнаго, нѣтъ справедливости и добра, а есть лишь контрасты жизни, вытекающіе изъ желѣзныхъ законовъ природы и жизни, освященныхъ Богомъ

Эта мысль получила впослѣдствіи всевозможныя варіаціи въ міросозерцаніи Леонтьева, она породила обиліе геніальныхъ его идей, она послужила ферментомъ его религіозныхъ стремленій, она же толкнула его на ложный и совершенно ненужный путь политики, въ которой Леонтьевъ былъ всегда чужимъ человѣкомъ и которая оттолкнула отъ него либеральную публику...

Моральная подоплека соціализма была еще болѣе чужда Леонтьеву, чѣмъ его политическія тенденціи. Уже въ первыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ его сквозитъ это враждебное отношеніе къ морали. Какъ странно должно было это звучать въ 60-хъ годахъ, какъ одинока вообще на фонѣ тогдашней Россіи фигура Леонтьева!.. Тургеневъ при всей своей чуткости не былъ въ состояніи оцѣнить всю сложность психики молодого писателя, которому покровительствовалъ! Тургеневъ примѣтилъ только одно въ Леонтьевѣ: его художественное дарованіе, все же остальное, чего онъ не понималъ въ немъ, то есть всю оригинальность мысли, всѣ эти первые проблески аморализма, замѣчающіеся уже въ романѣ Леонтьева „Въ своемъ краю“ (1864), Тургеневъ называлъ „патологіей“ и такъ же равнодушно прошелъ мимо всего этого, какъ и въ отношеніи своемъ къ Достоевскому...

Каковы же были эти романы Леонтьева?.. На мой взглядъ—это самое замѣчательное, что дала въ то время русская беллетристика. Въ романахъ Леонтьева поражаетъ ихъ, я бы сказалъ неумѣстная въ то время художественность... Эти романы написаны флоберовскимъ стилемъ, чувство мѣры, сжатость и изящество словъ поражаетъ въ нихъ. Читателю, воспитанному на критикѣ Писарева, они должны были казаться сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Поражаютъ также герои этихъ романовъ Въ то время писатель долженъ былъ толкать своихъ персонажей на общественное поле битвы, герой долженъ былъ непремѣнно проповѣдывать идеалы добра, справедливости и равенства, и героизмъ выражался въ томъ, что помѣщикъ въ романѣ освобождалъ крестьянъ или раздавалъ имъ землю.

Если эти условія были соблюдены,—публика вполнѣ удовлетворялась и большаго не требовала. Романы Леонтьева шли въ разрѣзъ съ требованіями публики, ничего подобнаго въ нихъ не было, а если и было, то составляло лишь декоративный ихъ элементъ. Вмѣсто же добра и равенства проповѣдывались идеи совершенно обратнаго качества, которыхъ все равно никто и не понялъ, а Тургеневъ и Салтыковъ назвали „патологіей".

Мысли эти только нынѣ обращаютъ на себя вниманіе, тогда же все это было просто недоступно для пониманія читателя, точно было написано не на русскомъ языкѣ. Герой романа „Въ своемъ краю" Милькѣевъ отъ лица Леонтьева проповѣдуетъ тотъ чистый аморализмъ, который впослѣдствіи станетъ второй натурой самаго Леонтьева и безъ котораго его и понять нельзя. „Нравственность есть только уголокъ прекраснаго" - говоритъ Милькѣевъ. —„Мораль есть рессурсъ людей бездарныхъ. Что бояться добра и зла? Нація та велика, въ которой добро и зло велико. Дайте и добру, и злу расширить крылья, дайте имъ просторъ! Если для того, чтобы на одномъ концѣ существовала Корделія, необходима леди Макбетъ, давайте ее сюда, но избавьте насъ отъ безличія, сна, равнодушія, пошлости и лавочной осторожности".

„А кровь—сказала Катерина Николаевна.—Кровь, спросилъ съ жаромъ Милькѣевъ,—и опять глаза его заблестѣли не злобой, а силой и вдохновеньемъ,—кровь, повторилъ онъ:—кровь не мѣшаетъ небесному добродушію. Жанна Д'Аркъ проливала кровь, а она развѣ не была добра, какъ ангелъ? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости, и что такое одно физіологическое существованіе наше? Оно не стоитъ ни гроша! Одно столѣтнее, величественное дерево дороже двухъ десятковъ безличныхъ людей, и я не срублю его, чтобы купить мужикамъ лекарство отъ холеры"!

„Любить мирный и всемірный демократическій идеалъ, это значитъ любить пошлое равенство, не только политическое, но даже бытовое, почти психологическое. Идеалъ всемірнаго равенства, труда и покоя! Избави Боже! Необходимы страданья и широкое поле борьбы! Я самъ готовъ страдать и страдалъ, и буду страдать! И не обязанъ жалѣть другихъ разсудкомъ". „П р е к р а с н о е—в о т ъ ц ѣ л ь ж и з н и, и добрая нравственность и самоотверженіе цѣнны только, какъ одно изъ проявленій прекраснаго, какъ свободное творчество добра".

Эстетическій аморализмъ красною нитью проходитъ сквозь все творчество Леонтьева и черезъ всю его жизнь, получая почти одинаковую, опредѣленную окраску и въ его беллетристикѣ, и въ критикѣ, и въ политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ... Это единственный русскій писатель, для котораго общественная мораль не имѣла никакого значенія, ибо Достоевскій сознавалъ всю силу добра, хотя и терзался сомнѣніями... Въ наше время аморализмъ почти немыслимъ безъ

рефлексій совѣсти, безъ борьбы и сомнѣній, особенно въ Россіи аморализмъ кончается всегда покаяніемъ и благочестіемъ, русскій нигилизмъ, въ сущности, изнанка религіи, и даже Смердяковъ вѣшается отъ угрызенія совѣсти. Въ этомъ смыслѣ личность Леонтьева представляетъ удивительное исключеніе. Вотъ человѣкъ, которому удалось совершенно легко и спокойно пройти мимо этической проблемы, не повредивъ себѣ души соприкосновеніемъ съ нею. Вся русская литература до „декадентовъ" этична по существу и благо ближняго, свобода всѣхъ для нея замѣняетъ эстетику. Русская интеллигенція религіозна постольку, поскольку она этична. Толстой—символъ русской религіозности. Добро доминируетъ въ русскихъ религіозныхъ исканіяхъ надъ мистикой, и даже Соловьевъ съ его школой, даже „золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ изъ неудавшихся" (В. Свенцицкій)—моральны до чрезмѣрности. Леонтьевъ не потому страшенъ, что онъ кажется дьяволомъ въ подрясникѣ благочестивымъ людямъ и не потому, что онъ амораленъ, а потому лишь, что въ его аморализмѣ отсутствуютъ совершенно тѣ сердечныя трещины, сквозь которыя просвѣчиваетъ добро, его аморализмъ—стальной и холодный, и прибои совѣсти разсыпаются, ударяясь объ него, вдребезги... Эта непреклонная сила страшна, и именно эта сила Леонтьева дала поводъ В. В. Розанову утверждать, что если бы Леонтьеву дали власть „онъ залилъ бы Европу огнями и кровью въ чудовищномъ поворотѣ политики"...

Религіозные перевороты русскихъ людей сразу же сталкиваютъ ихъ въ капканъ морали. Гоголь сжигаетъ рукопись „Мертвыхъ душъ", потому что писательская дѣятельность кажется ему дѣломъ мало богоугоднымъ, потому что его романъ приноситъ Россіи мало добра. Толстой стремится дѣлами благотворительности спастись отъ смерти, и вся его религія есть собственно моральная благотворительность. Герой В. Свенцицкаго въ церкви вопитъ, послѣ развратной жизни, о томъ, что онъ будетъ творить добро и никогда больше не посмотритъ на женщинъ. Вся эта сектантская и революціонная Россія со своей интеллигенціей, литературой, убѣждена, что религія есть мораль и что мораль есть религія. Дѣло спасенья ближняго кажется имъ болѣе важнымъ и нужнымъ, чѣмъ спасеніе личное. Вотъ почему у насъ столько безличныхъ и безвѣрныхъ людей, вотъ откуда эта стрижка индивидуальностей подъ нулевой номеръ эгалитарной пошлости...

Совсѣмъ не то у Леонтьева. И у него религія появилась какъ слѣдствіе страха смерти, и онъ вѣрилъ въ Бога, м. б. потому главнымъ образомъ, что боялся смерти, но переворотъ у него совершился съ неожиданной быстротой и не въ сторону морали, а въ сторону личнаго безсмертія и въ сторону Церкви... Лежа въ Салоникахъ больнымъ холерой, онъ увѣровалъ въ ту же минуту, когда почувствовалъ, что умретъ.. Увѣровалъ въ одну минуту, по его же признанію, „въ существованіе и могущество Божіей Матери", глядя

на Ея образъ... Но онъ не даетъ въ эту минуту, какъ Толстой и ему подобные, обѣщаній Богу исправиться, помогать ближнимъ и творить добро... Нѣтъ, онъ говоритъ: „Матерь Божія! Рано! Рано умирать мнѣ!.. Я еще ничего не сдѣлалъ!.. Подними меня съ этого одра смерти! Я поѣду на Аѳонъ, поклонюсь старцамъ, чтобы они обратили меня въ простого и настоящаго православнаго, вѣрующаго въ среду и въ пятницу, и въ чудеса, и постригусь въ монахи!"... Такимъ образомъ уже при первыхъ проблескахъ религіознаго сознанія Леонтьевъ устремляется въ область мистики, личнаго спасенія и церкви. По этому пути пойдетъ вся его религія. Въ этомъ отношеніи Леонтьевъ цѣленъ и послѣдователенъ. Его религія есть православіе, церковь и монастырь. Его Богъ есть Богъ личнаго спасенья и безсмертія... И его міросозерцаніе и въ этой области эгоцентрично и аморально...

Уже въ первомъ своемъ критическомъ произведеніи („Письмо провинціала къ Тургеневу") Леонтьевъ рѣзко отдѣляетъ мораль отъ искусства. Это письмо — шедевръ русской критики. По этому письму нужно бы изучать Тургенева въ гимназіяхъ, а не по бездарнымъ компиляціямъ и переложеніямъ, какъ это практикуется. Поражаетъ оно, какъ и всѣ впрочемъ, критическія статьи Леонтьева, рѣдкой глубиной мысли, тонкимъ и острымъ анализомъ такихъ мѣстъ въ произведеніяхъ Тургенева, на которыхъ никто изъ критиковъ не обращалъ вниманія. И сколько любви къ прекрасному, сколько вкуса и пониманія задачъ эстетики въ этой статьѣ. Въ то время, какъ Добролюбовъ и Писаревъ совершенно отвергали эстетику, ставили ее ни во что, низводили до третьеразряднаго элемента, Леонтьевъ уже въ этой первой статьѣ говоритъ объ эстетикѣ, какъ о наукѣ, нападаетъ на грубость и хамство русскаго реализма, вся статья его—это тонкій, ажурный рисунокъ художественнаго творчества... И это поражаетъ и въ послѣдующихъ статьяхъ (о Маркѣ Вовчкѣ, о романахъ Льва Толстого, эту послѣднюю вещь я считаю перломъ русской критики. Нужно принять во вниманіе, что „Анализъ, стиль и вѣяніе" было написано въ девяностыхъ годахъ, когда на русскую мысль наложилъ тяжелую руку Михайловскій, столько же смыслящій въ вопросахъ искусства, сколько теперь смыслятъ въ нихъ его бездарные послѣдователи... Но кирпичи Михайловскаго погибнутъ въ потокѣ времени, а „Анализъ, стиль и вѣяніе" будетъ читаться любителями съ захватывающимъ интересомъ, какъ и все рѣдкое, утонченное и замѣчательное)..

И въ романахъ Леонтьева (особенно въ его романахъ изъ жизни южныхъ славянъ), и въ его немногочисленныхъ, но удивительныхъ критическихъ статьяхъ, — эстетика, тонкій ароматъ изящнаго, доступный лишь немногимъ дэнди, играетъ доминирующую роль. Этотъ эстетизмъ не былъ для него литературной маской, какъ для многихъ людей современности, эстетизмъ Леонтьева — это самъ Леонтьевъ. Онъ могъ бы

сказать: „эстетика—это я“. Леонтьевъ эстетъ прирожденный. Вся жизнь Леонтьева есть въ сущности служеніе красотѣ.

И эта любовь къ красотѣ у Леонтьева стихійна, въ отношеніи его къ прекрасному есть несомнѣнно что-то языческое. Онъ поклонялся формѣ съ восторгомъ эллина, онъ боготворилъ въ этой области все рѣдкое, все оригинальное, все идущее въ разрѣзъ со вкусами толпы... Онъ говорилъ: „Я считаю эстетику мѣриломъ наилучшимъ для исторіи и жизни, ибо оно приложимо ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ мѣстностямъ“. Въ эстетическомъ міровоззрѣніи все совмѣстимо... „Художественное чувство въ немъ преобладало“— пишетъ о Леонтьевѣ одинъ изъ его друзей—Ю. С. Карцовъ — „художникомъ онъ былъ съ головы до ногъ и до мозга костей“. Леонтьевъ, уже будучи въ православіи—не могъ не посѣтовать на христіанство за то, что оно идетъ противъ красоты и убиваетъ ее. Въ одномъ изъ его писемъ изъ Оптиной Пустыни вырвались крайне любопытныя строки: „И христіанская проповѣдь, и прогрессъ европейскій совокупными усиліями стремятся убить эстетику жизни на землѣ, то есть — самую жизнь“... Онъ отшатнулся отъ соціализма больше потому, что послѣдній убиваетъ эстетику, эстетику разстояній, различій и контрастовъ, его возмущалъ идеалъ соціализма— средній человѣкъ, сытый буржуа, полный утилитарной пошлости и хамства, онъ утверждалъ: „хотѣть, чтобы всѣ были равны — неэстетично“, и его возмущеніе противъ демократіи было возмущеніемъ не политика, а поэта и художника...

Леонтьевъ пришелъ въ церковь пресыщеннымъ „литературной гастрономіей“, какъ онъ выражался... Вся жизнь Леонтьева, особенно въ молодости, когда онъ консульствовалъ въ Турціи — была апоѳеозомъ сладострастья. Одно время у него даже было нѣчто въ родѣ гарема... И въ этомъ опять сказывается языческая натура Леонтьева.

Но ему было вѣдомо также и сладострастіе духа въ области эстетики, въ которой онъ съ капризной неудовлетворенностью Петронія искалъ недостижимаго идеала, искалъ необычайнаго, чудеснаго и рѣдкаго... Пресыщенность прекрасными формами притупила чувствительность Леонтьева, толкнула его къ поискамъ болѣе сильныхъ впечатлѣній и болѣе тонкихъ... За чертой обычныхъ и извѣданныхъ наслажденій онъ нашелъ царство мало извѣданное, въ которомъ возможны болѣе тонкія переживанія, гдѣ начинается красота изводящая и нѣжно жестокая. Это царство открылось ему въ религіи. Подходъ Леонтьева къ религіозной проблемѣ совершился не со стороны этической и даже не мистической, а со стороны эстетической. Въ церковь Леонтьевъ вошелъ не какъ погибшій грѣшникъ, а какъ индивидуалистъ и эстетъ. Религія Леонтьева эстетична, индивидуальна и аморальна.

„Я эстетикъ, потому что эстетика религіозна и религіозенъ по-

тому, что религія эстетична"... Въ этихъ словахъ Леонтьева много правды. Къ красотѣ онъ относится религіозно. Въ этомъ его не-русскомъ отношеніи къ эстетикѣ есть несомнѣнно нѣчто западное... Что толкнуло Леонтьева къ религіи — неизвѣстно. Это его личная тайна. Кто знаетъ объ этихъ тайнахъ душевныхъ кризисовъ и кто можетъ расшифровать запутанную сѣть ихъ причинъ? Кому вѣдома настоящая причина перерожденія Гоголя или Толстого?.. Все это покрыто мракомъ неизвѣстности, и въ объясненіяхъ критиковъ болѣе или менѣе звучитъ пошло... Замѣчательно лишь одно: послѣ своего кризиса, будучи уже вѣрнымъ сыномъ церкви, Леонтьевъ и не думалъ отрекаться отъ красоты и литературы. Гоголь, Толстой, Александръ Добролюбовъ, почуявъ и понявъ Христа, отвергли литературу, какъ суетное и даже грѣховное занятіе — въ этомъ сказалась русская тайна, такъ сказать психологическая структура русской души. И это не только потому, что Христосъ уничтожаетъ міръ, это понималъ и Леонтьевъ, а потому, что литература противорѣчитъ тому высокому идеалу христіанской морали, которую русскіе превозносятъ въ религіозномъ міровоззрѣніи... Леонтьевъ остается и въ монастырѣ, и въ Оптиной Пустыни — тѣмъ же тонкимъ цѣнителемъ искусства, какимъ былъ и въ міру.

Онъ интересуется по-прежнему политикой и пишетъ свои „Письма отшельника" и замѣчательный разборъ романовъ Толстого Онъ не можетъ также отречься и отъ комфорта, отъ своихъ барскихъ привычекъ; въ монастырѣ онъ живѐтъ въ особнякѣ, при немъ цѣлый штатъ слугъ. Здѣсь онъ такой же независимый и изнѣженный баринъ, какъ и за монастырской оградой...

Въ этомъ эстетическомъ христіанствѣ Леонтьева есть много чертъ, дѣлающихъ его похожимъ на другого эстета въ религіи и не менѣе замѣчательнаго человѣка—Гюисманса... Какъ Гюисмансъ въ католичествѣ, Леонтьевъ былъ эстетомъ въ православіи. Импульсъ, приведшій обоихъ писателей къ церкви былъ: пресыщенье жизнью, доходящее до пустоты и отчаянія. Какъ Гюисмансъ, Леонтьевъ цѣнилъ въ православіи не столько его мистическую тайну, сколько внѣшнюю, формальную сторону. Обстановка церковныхъ богослуженій, вся эта изысканная утонченность догматики, церковной живописи, житій святыхъ—вотъ въ чемъ была религія Гюисманса. Души своей онъ такъ и не спасъ, ибо къ истинной вѣрѣ путь преграждали сомнѣнія, отъ которыхъ спастись не было суждено Гюисмансу до конца жизни. Какова была вѣра Леонтьева – мы увидимъ впослѣдствіи, здѣсь же нужно еще разъ подчеркнуть родственность этихъ, казалось бы, такъ чуждыхъ другъ другу писателей...

Душа Гюисманса была аристократична. Она же была и аморальна. Дзюортайль никакъ не можетъ научиться смиренію и любви къ ближнему, несмотря на всѣ наставленія добродушнаго аббата Жервезена... Прикосновеніе къ прохожему на улицѣ доставляло Дез'Эсенту

невыносимую пытку. Церковь съ ея таинственнымъ лѣсомъ догматовъ, съ ея святыми и мучениками, съ ея богослуженіями и пѣніемъ для Гюисманса была дороже и важнѣе Христа. Онъ не могъ представить себѣ Христа внѣ церкви, и въ его романахъ почти совершенно отсутствуетъ Ликъ Христа во всей своей мучительной простотѣ, такъ близкой первымъ христіанамъ... Гюисмансъ мало имѣетъ дѣла съ Евангеліемъ, и заповѣди Христа о любви къ ближнему, о смиреніи, о покаяніи, словомъ весь этотъ жизненный, прагматическій элементъ въ христіанствѣ съ его этической стороной не имѣетъ на него никакого вліянія... Тонкіе узоры патристики и литургики были для Гюисманса и наслажденіемъ, и красотой... То же повторяется и въ религіозныхъ исканіяхъ Леонтьева съ тѣми же подробностями и оттѣнками...

Искусство и красоту Леонтьевъ понималъ такъ, какъ можетъ понимать лишь европеецъ. Недаромъ кто-то сравнивалъ его въ этомъ отношеніи съ Флоберомъ... Искусство для него было искусствомъ для искусства. Онъ утверждалъ, что искусство лишено всякой утилитарной пользы, всяческихъ моральныхъ и соціальныхъ тенденцій. Въ эстетикѣ возможно все, утверждалъ Леонтьевъ — здѣсь уживаются добро со зломъ, красота — съ безобразіемъ, любовь съ преступленіемъ, и все это не имѣетъ никакого значенія помимо своего поэтическаго выраженія. Русское творчество и русскій реализмъ, даже реализмъ Толстого, оскорбляли въ Леонтьевѣ его аристократическую природу эстета. Въ статьяхъ: „Новый драматическій писатель“ и „Наши новые христіане“ находимъ острую и безпощадную критику русскаго творчества и русскаго реализма, къ которымъ Леонтьевъ относится съ брезгливостью утонченнаго западника. Его оскорбляютъ грубыя словечки и эпитеты въ романахъ Толстого, „брызганье слюной“ у героевъ Достоевскаго, онъ возмущается топорнымъ, антикультурнымъ, мѣщанскимъ стилемъ въ произведеніяхъ русскихъ народниковъ—и въ этомъ презрѣніи мы опять замѣчаемъ капризный жестъ утонченнаго дэнди, пресытившагося „литературной гастрономіей“. Какъ Гюисмансъ въ своемъ „A rebours“ смаковалъ литературныя блюда міровыхъ геніевъ со всей остротой и придирчивостью стараго, избалованнаго шедеврами искусства гастронома, такъ и Леонтьевъ анатомируетъ безпощаднымъ скальпелемъ требовательнаго критика всѣ произведенія искусства, начиная съ „Житій святыхъ“ и кончая Маркомъ Вовчкомъ, отдыхая отъ русскаго безобразнаго и аляповатаго реализма на изящномъ иронизмѣ Вольтера и эстетической скульптурности столь близкаго ему Флобера... Въ этомъ отношеніи Леонтьева къ реализму русскому и русскому творчеству вообще, которое всегда ему было чуждо, даже ненавистно, именно вслѣдствіе своего эстетическаго несовершенства— снова выступаетъ западный элементъ въ его вкусахъ и наклонностяхъ. Задолго до Ж. Леметра Леонтьевъ осуществилъ идею субъективизма въ критикѣ, личный вкусъ—вотъ его художественный критерій, ему

претитъ то, что нравится многимъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, о чемъ другіе и не упоминаютъ, даже во внѣшнемъ изложеніи своихъ критическихъ статей Леонтьевъ избѣгаетъ обычныхъ въ то время выраженій: „мы", „намъ кажется", „на нашъ взглядъ", для него важно только „я" и требованія этого „я". Онъ говоритъ: „я думаю, что эстетическая критика, подобно искреннему религіозному разсужденію, должна неизбѣжно исходить изъ живого личнаго чувства и стараться лишь оправдать и утвердить его логически"...

Но европеизмъ Леонтьева, какъ эстета—рѣзко противорѣчитъ его политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Онъ не только не сознавалъ западныхъ чертъ въ себѣ, но возмутился бы до глубины души, если бы ему сказали объ этомъ. Западъ въ его цѣломъ былъ ненавистенъ Леонтьеву. Онъ съ ожесточеніемъ фанатика—патріота ненавидѣлъ Европу, ея культуру, прогрессъ, образованность и общественность. Понятіе европеизма для него было равносильно пошлости. Европу онъ считалъ разсадницей ненавистныхъ ему эгалитарныхъ идей, соціализмъ—этотъ бичъ индивидуализма, въ его міровоззрѣніи отождествлялся съ Западомъ и его культурой. Леонтьеву хотѣлось бы подложить подъ всю Европу динамитъ и уничтожить ее въ пожарѣ и крови, за то именно, что она стала первая проповѣдывать равенство и братство. Ту свободу, которую несла человѣчеству Европа, въ лицѣ Маркса и ему подобныхъ, Леонтьевъ считалъ величайшимъ рабствомъ и наказаніемъ.

Россія казалась Леонтьеву единственнымъ міромъ, изъ котораго можетъ возникнуть свѣтъ истины. Внѣ Россіи, православія и самодержавія онъ не видѣлъ и не искалъ спасенья. Россія, по мнѣнію Леонтьева, должна очиститься и освободиться отъ всѣхъ западныхъ элементовъ, навязанныхъ ей насильно Петромъ,—и отъ эгалитарной, пошлой и мертвящей западной культуры вернуться къ чисто русскому быту... Здѣсь близость Леонтьева къ завѣтамъ славянофильства. Его даже причисляли къ славянофиламъ, но это невѣрно. Славянофиломъ Леонтьевъ не былъ, онъ даже враждебно относился къ славянофильству и къ панславизму. Хотя въ нѣкоторыхъ взглядахъ Леонтьева замѣчается вліяніе Хомякова и Данилевскаго,—на самомъ же дѣлѣ идеалы славянофильства не были ему близки и только отчасти раздѣлялись имъ. Что же послужило причиной расхожденія Леонтьева съ этой, казалось бы,—наиболѣе близкой ему партіей? Отъ славянофиловъ Леонтьева оттолкнулъ ихъ недостаточный, по его мнѣнію, патріотизмъ. Онъ считалъ славянофиловъ недостаточно русскими, онъ обвинялъ ихъ въ безсознательной приверженности къ все тѣмъ же демократическимъ идеаламъ Запада. Славянофильство—говоритъ Леонтьевъ—„казалось мнѣ слишкомъ эгалитарно-либеральнымъ для того, чтобы достаточно отдѣлять нась (русскихъ) отъ новѣйшаго Запада. Это одно; дру-

гая же сторона этого ученія, внушавшая мнѣ недовѣріе... была какая-то какъ бы односторонняя моральность. Это ученіе казалось мнѣ въ одно и то же время и не государственнымъ, и не эстетическимъ“...

Назначеніе России и русской культуры рисовалось Леонтьеву совершенно въ иномъ видѣ. Россія должна разъ навсегда порвать всяческую связь съ Западомъ, отшвырнуть отъ себя все достояніе, унаслѣдованное отъ Европы, отречься отъ всѣхъ плодовъ чуждой культуры и образованности,—и, вытравивъ эти ненавистныя Леонтьеву сѣмена,—начать жизнь новую, небывалую, чуждую пошлости, подражанія и заимствованія, начать новую, свою, чисто русскую исторію.

Почву для этой новой жизни и этого новаго царства освобожденной России Леонтьевъ усматривалъ въ православіи и византизмѣ. „Я понялъ, признается онъ, „что я самъ лично внѣ православія спасенъ за гробомъ быть не могу, и то, что государственная Россія безъ строжайшаго охраненія православной дисциплины разрушится еще скорѣе многихъ другихъ державъ, и то, наконецъ, что культурной самобытности нашей мы должны попрежнему искать въ греко-россійскихъ древнихъ корняхъ нашихъ, а не гнаться за какимъ-то новымъ, никѣмъ не виданнымъ чистымъ славизмомъ, который по всѣмъ доступнымъ нынѣ признакамъ рискуетъ выйти ничѣмъ инымъ, какъ или самымъ жалкимъ, или самымъ страшнымъ европеизмомъ новѣйшаго времени“.

Византизмъ былъ, по мнѣнію Леонтьева, той единственной и незамѣнимой формой, въ которой возможно возрожденіе России. Для этого послѣдняя должна порвать съ настоящимъ, съ царствомъ среднихъ людей, сшитыхъ на европейскій манеръ, и вернуться назадъ, къ тому таинственному и неизвѣстному прошлому, изъ котораго вывелъ ее Петръ Великій. Къ Византіи влекла Леонтьева „наклонность византійскаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьѣ, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу“... Ему нравилось, что „византизмъ (какъ и вообще христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что онъ есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства“...

Современную ему Россію Леонтьевъ любилъ и цѣнилъ постольку, поскольку въ ней встрѣчалъ остатки былого византійскаго величія. Византійская Русь, т. е. Русь самодержавная и православная, вѣрная церкви и завѣтамъ старины, вотъ идеалъ Леонтьева. Искусство русское и русская государственность по мнѣнію Леонтьева византичны, какъ и все творчество русское вообще. Въ Византіи ему грезилась та святость, та нерушимая сила, которая одна можетъ возродить и спасти

Россію. Современной Византіей Леонтьевъ считалъ Аѳонъ. Только на Аѳонѣ сохранилась эта строгая, подвижническая жизнь, вѣрная догматамъ православія и олицетворяющая въ себѣ идеалъ церковности, который казался Леонтьеву ковчегомъ спасенія въ житейскомъ морѣ... Такимъ образомъ — патріотизмъ Леонтьева опирался не столько на Россію, какъ таковую, сколько собственно на ту древнюю, погибшую для современности, Византію, которая въ его грезахъ казалась какимъ то чудеснымъ царствомъ не отъ міра сего, и въ которой онъ видѣлъ фантастическую форму новой, оригинальной русской культуры.

Православіе и самодержавіе Леонтьевъ понималъ не въ современномъ смыслѣ, а въ томъ, древнемъ, византійскомъ, когда власть царя была мистична, когда монархъ олицетворялъ церковную власть, когда самодержавная власть была близка къ теократіи...

Я не раздѣляю мнѣнія, по которому Леонтьевъ выступаетъ консерваторомъ въ коренномъ, чиновничьемъ смыслѣ этого слова. Нужно принять во вниманіе тѣ причины, которыя толкнули Леонтьева къ самодержавію и ретроградству. Тогда все предстанетъ совершенно въ другомъ свѣтѣ. Тогда окажется, что это были тѣ же самыя причины, которыя заставили Герцена отшатнуться отъ Европы и написать замѣчательную, еще до сихъ поръ мало оцѣненную книгу: „Съ того берега“, которыя вызвали у Милля столь неожиданное, но зато вполнѣ справедливое замѣчаніе: „большинство есть не что иное, какъ собирательная бездарность“...

Леонтьевъ ухватился за отжившія формы византизма, за самодержавіе и консерватизмъ Каткова не потому, что видѣлъ во всемъ этомъ истину, а единственно изъ желанія уйти изъ ненавистной ему современности, отъ заразительной эпидеміи стадности и буржуазной сытости, отъ того безличнаго, идеала средняго человѣка, къ которому стремится европейскій соціализмъ.

Въ Леонтьевѣ былъ тотъ орлиный аристократизмъ геніальной индивидуальности, который не пріемлетъ ни міра, ни его курятниковъ и соціальныхъ клѣтокъ, который тѣмъ и великъ, тѣмъ и прекрасенъ, что никогда не примирится съ пошлостью жизни, но вѣчно будетъ рваться въ безумномъ полетѣ къ державной власти, къ несбыточному и чудесному бытію, къ грозѣ и къ бурѣ!..

Многимъ покажется, что Леонтьевъ сталъ сподвижникомъ Каткова изъ какихъ-либо утилитарныхъ соображеній, но на самомъ дѣлѣ онъ только бѣжалъ отъ толпы, отъ той болотистой и засасывающей массы, которая губитъ и опошляетъ личность, онъ бѣжалъ отъ грубаго самовластія этой толпы, по которому каждый долженъ быть нулемъ, онъ отрекся отъ тупого и ограниченнаго идеала всеобщаго равенства и всеобщей сытости, такъ какъ Леонтьевъ, какъ и всякій умный человѣкъ зналъ, что люди не равны и никогда не будутъ равны, ибо это противорѣчитъ и законамъ природы, и законамъ геніально-

сти. Онъ также зналъ, что сытость убиваетъ духъ, и все, что создано великаго и святого, было создано волею голоднаго, жаждущаго и страдающаго духа... То, что называютъ консерватизмомъ Леонтьева, на самомъ дѣлѣ вовсе не есть консерватизмъ, и въ сравненіи съ такимъ консерватизмомъ самый ярый анархизмъ покажется слабой искрой. Это не консерватизмъ, а самый ожесточенный и самый крайній бунтъ геніальной и аристократической личности противъ величайшаго рабства—рабства духа и рабства личности. Этотъ бунтъ, это презрѣніе и дерзаніе такъ глубоки и сложны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ огненно жестоки, что врядъ-ли пойметъ всю силу ихъ стадо..

Самое понятіе консерватизма говоритъ о мертвомъ застоѣ, о благодушномъ примиреніи со всѣмъ, о тупикѣ. Леонтьевъ же весь былъ—бунтъ, горѣніе, ненависть и вызовъ. Онъ заявилъ величайшее, почти дьявольское своеволіе, онъ лелѣялъ ядовитыя, преступныя мысли о міровой катастрофѣ, онъ радъ былъ хоть въ этихъ мечтахъ обречь все человѣчество на казнь и захлебнуться въ крови, какъ въ тонкомъ и жгучемъ винѣ. Все, что онъ признавалъ и чему поклонялся, было, если отбросить многія его маски, одна лишь его державная и самодовлѣющая воля... Въ своемъ quasi—консерватизмѣ онъ достигъ такихъ вершинъ, куда могутъ донести лишь крылья орла.

Религія Леонтьева—это, можетъ быть, самая загадочная область его духа. Никто изъ писавшихъ о Леонтьевѣ не задумался надъ необычайностью этой стороны Леонтьева, а между тѣмъ—это едва-ли не самое важное явленіе въ томъ, что можно назвать лѣтописью души Леонтьева.. Главное, по моему, было въ томъ, что никто изъ окружающихъ Леонтьева не видѣлъ и не зналъ его религіозной тайны. Всѣ видѣли только внѣшность его православія, но не видѣли того, что таилось подъ этой маской. Ибо сомнѣнія нѣтъ, православіе Леонтьева есть не что иное, какъ маска. Масочное дѣйство современности, въ которомъ изнемогаютъ многіе изъ насъ—было вѣдомо Леонтьеву по личному опыту. И этотъ церковный фанатикъ м. б. всѣхъ обманывалъ, и не только всѣхъ, но и самого себя...

Есть два рода вѣры: одна искренняя, дѣтская и наивная, вѣра простая, и вѣра трагическая, интеллектуальная, въ которой самообманъ играетъ одну изъ первыхъ ролей. Вѣрующіе просто и безъ претензіи, конечно, счастливѣе вторыхъ, уже хотя бы потому, что они отъ природы избавлены отъ водоворотной глубины, а значитъ—и отъ сомнѣній... Путь вторыхъ въ сущности есть крестный путь, ибо здѣсь берутъ на себя непосильное бремя, желаютъ спастись во что бы то ни стало, и оттого, что спастись нельзя—страдаютъ вдвойнѣ.

Никто не знаетъ,—обманывалъ ли себя Леонтьевъ, или нѣтъ, этого утверждать нельзя, ибо чужія души—потемки. Но можно лишь догадываться, можно предполагать... Нѣкоторыя данныя могутъ подтвердить предположеніе, но иногда оно неубѣдительно, такъ какъ въ

дебряхъ души человѣческой происходятъ такія событія, что сложность ихъ не позволяетъ отличить правды отъ лжи, искренности отъ самообмана... И чѣмъ глубже, чѣмъ одареннѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе разобраться въ этомъ, тѣмъ больше колеблются термины правды и лжи...

Леонтьевъ, впрочемъ, не былъ поклонникомъ чистой, обнаженной правды. Онъ былъ слишкомъ глубокъ, чтобы вѣрить въ возможность абсолютной правды, правда и ложь были для него лишь эстетическими категоріями. Леонтьевъ не переносилъ простоты, его утонченная натура усматривала въ простотѣ варварскую наивность некультурности. Слова Исаака Сиріянина: „многая простота есть удобопревратна“ ужасно нравились Леонтьеву, онъ объяснялъ ихъ своеобразно, онъ видѣлъ въ этихъ словахъ чуть ли не тонкую иронію надъ ограниченностью излишней простоты... Леонтьевъ презиралъ „розовое христіанство“ Толстого и Достоевскаго, именно потому, что въ немъ было много добра и простоты, мѣшающихъ увидѣть пучину, для добрыхъ и простыхъ незримую, но страшную для имѣющихъ очи, дабы видѣть ее...

Въ чемъ же масочность религіи Леонтьева? Искренность его религіознаго переворота сомнительна. Во-первыхъ потому, что этотъ переворотъ произошелъ слишкомъ быстро и не отозвался въ душѣ той мукою, тѣми сомнѣніями, которыя обыкновенно предваряютъ входъ въ храмъ. Религіозные кризисы безъ голгоѳы не внушаютъ довѣрія, человѣкъ долженъ крестомъ своей жизни купить себѣ мѣсто въ храмѣ, иначе онъ недостоинъ войти въ него... Леонтьевъ перемѣнилъ свою жизнь такъ легко, какъ мѣняютъ платье... Отъ жизни суетной,— разгульной и безшабашной, онъ сразу же перешелъ къ монастырской, но никакой душевной перемѣны здѣсь я не замѣчаю. Леонтьевъ и въ монастырѣ такъ же эгоистиченъ и гордъ, какъ и въ жизни, послушничество въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ ему не удается, онъ, какъ Гюисмансъ—не можетъ отвыкнуть отъ удобствъ, комфорта и своихъ барскихъ привычекъ, онъ такъ же любитъ красоту, какъ и раньше любилъ, ни Аѳонъ, ни Оптина Пустынь не заглушили въ немъ страстей и онъ все жалуется, что никакъ не можетъ безстрастно относиться къ женщинамъ (даже въ преклонномъ возрастѣ)... Онъ только перемѣнилъ свои убѣжденія, но не перемѣнилъ души, и эстетика въ романахъ Толстого больше его захватываетъ, чѣмъ религіозныя муки, правда, онъ уже не даетъ пощечинъ французскимъ посланникамъ, какъ во время своего консульства, но зато его жестокости теперь изливаются въ полемическихъ статьяхъ и афоризмахъ.

Въ монастырѣ онъ такъ же чуждъ монахамъ, какъ чуждъ былъ своимъ соратникамъ въ политикѣ, и только одинъ Климентъ Зедергольмъ, —личность исключительная—привлекаетъ его вниманіе. Съ изрѣдка наѣзжающимъ въ Оптину Пустынь Львомъ Толстымъ у Леонтьева происходятъ горячія схватки; эти два человѣка никогда не могли понять другъ друга, они вѣчно ссорятся, и Толстой называетъ Леонтьева со-

вершенно справедливо „разбивателемъ стеколъ". Другой человѣкъ, котораго Леонтьевъ обожалъ Вл. Соловьевъ—зналъ Леонтьева слишкомъ мало и врядъ ли понималъ его значительность. Губастовъ и Фудель видѣлись съ нимъ очень рѣдко. И только наставникъ Леонтьева и его духовный отецъ—знаменитый старецъ Амвросій—зналъ, что происходило въ душѣ этого человѣка... Но только онъ одинъ. И кромѣ того—Леонтьевъ не закрывался и въ монастырѣ отъ людей, онъ любилъ поспорить и побесѣдовать, интересы дня и политики, всѣ государственныя и общественныя дѣла—вызываютъ въ немъ живой интересъ. Такъ что особенной перемѣны послѣ духовнаго обращенія въ Леонтьевѣ не замѣчается...

Но зато интересенъ стиль его мыслей, интересна его философія религіи и глубоко захватываютъ его теоретическія воззрѣнія на христіанство. Путь религіозный Леонтьева такимъ образомъ мало коснулся его жизни и души, но зато своеобразно отразился на строѣ его мыслей. Вообще же можно сказать, что Леонтьевъ не столько подвижникъ въ религіи, сколько мыслитель и созерцатель. Поэтому и религія его носитъ интеллектуальный оттѣнокъ...

Я уже говорилъ, что христіанство Леонтьева есть православіе. Внѣ православія Леонтьевъ не видѣлъ истины. Православная церковь, государственное самодержавіе и монастырь—вотъ столпы защиты Леонтьева отъ пошлости европейской и отъ ужаса жизни мірской. Леонтьевъ всю жизнь училъ, что нужно смириться передъ церковью и не разсуждать, единственное, что онъ признавалъ въ христіанствѣ евангельскомъ,—было смиреніе.

Но самъ онъ противорѣчилъ себѣ. Истинное, историческое православіе ничего общаго не имѣетъ съ православіемъ Леонтьева,—такъ же, какъ христіанство вообще не похоже на христіанское ученье Леонтьева. Смириться же онъ никогда не могъ. Его личное я, его гордыня и презрѣніе къ міру и къ людямъ—выступало на первый планъ. Онъ въ своемъ якобы „православіи" заявилъ такое своеволіе и такой бунтъ противъ самой сущности христіанства,—что Ницше и Достоевскій въ сравненіи съ нимъ только слабый намекъ.

Леонтьевъ не принялъ православнаго ученія со смиреніемъ вѣрнаго сына церкви, онъ индивидуализировалъ православіе и христіанство, онъ сдѣлалъ и то, и другое лишь формой своего эгоцентризма. Вѣра Леонтьева лишена всякой искренности, вѣра его формальна по существу, эту форму онъ принялъ для своихъ личныхъ замысловъ, замысловъ, которымъ бы позавидовалъ самъ Великій Инквизиторъ. Леонтьевъ могъ бы, при помощи своего православія, стереть съ лица земли все человѣчество, если бы ему дали власть. Мѣсто Леонтьева—въ рядахъ святѣйшихъ инквизиторовъ, или надменныхъ, жестокихъ папъ католичества; если бы онъ появился въ средніе вѣка, —онъ сыгралъ бы въ католичествѣ такую роль, какая принадлежала

въ язычествѣ Нерону.. Индивидуализмъ Леонтьева не укладывался въ узкія рамки эстетики и православія; Леонтьевъ искалъ кровавой арены для своей разбушевавшейся, жестокой и холодной мысли, а все его смиреніе и вся его преданность церкви имѣли формальный и внѣшній характеръ.

„Надо бояться церкви“—говорилъ Леонтьевъ. Это онъ говорилъ не о себѣ, самъ онъ ничего не боялся, наоборотъ онъ любилъ наводить страхъ на другихъ,—смиреніе онъ проповѣдывалъ потому, что буржуазная свобода соціализма казалась ему величайшимъ насиліемъ. Достоевскій, когда говорилъ „смирись, гордый человѣкъ!“—имѣлъ въ виду моральную чистоту страданія. Леонтьевъ, проповѣдуя смиреніе, насилье и рабство—дѣлалъ это изъ бѣшеной ненависти къ тѣмъ формамъ европейской жизни, которыя внушали ему омерзѣніе. Какъ Гюисмансу, ему бы хотѣлось опрокинуть весь міръ, и изъ противныхъ нормамъ и традиціямъ, вывернутыхъ на изнанку идей и понятій—создать свое новое царство, тѣмъ отрадное, что въ немъ все, что у современныхъ людей зовется непріятнымъ и тяжелымъ, получило бы форму закона...

Вѣра Леонтьева тяжела, мрачна и безкрыла. Въ ней нѣтъ того, что составляетъ самое главное въ христіанствѣ—нѣтъ просвѣтленія. Въ ней нѣтъ связи съ абсолютомъ и обществомъ и нѣтъ любви. Это значитъ, что онъ и здѣсь оставался вѣренъ себѣ, это значитъ, что онъ и не думалъ перерождаться въ религіи, а принялъ ее единственно изъ желанія утвердить свою личность на высочайшей горѣ индивидуализма и тѣмъ спастись отъ смерти. Онъ говорилъ, что его религія есть путь личнаго спасенія, онъ называлъ ее „трансцедентнымъ эгоизмомъ“, онъ заботился не о жизни земной, но о жизни вѣчной, эта жизнь, по его словамъ—открывается только въ православіи и внѣ православія немыслима. Трагедія этого человѣка заключалась въ томъ, что онъ никогда, ни на одну минуту не могъ воскреснуть и взлетѣть въ своей вѣрѣ, а еще ужаснѣе для него было то, что онъ говорилъ о загробной жизни, не вѣря въ нее...

Вѣра въ загробную жизнь даетъ человѣку крылья, она вызываетъ въ немъ просвѣтленье, вся здѣшняя жизнь должна для такого человѣка преобразиться, получить сквозную форму необычайной красоты, живя съ такою вѣрой въ душѣ, человѣкъ стремится сквозь жизнь къ чуду, въ сравненіи съ этимъ чудомъ все земное, все пошлое, все преходящее—вызываетъ въ немъ лишь лучистость всепрощенья и любви, въ этомъ истинное христіанство, въ этомъ экстазъ вознесенья... Все въ Леонтьевѣ противорѣчитъ этому идеалу христіанства, все его православіе носитъ мрачный, тяжелый, пессимистическій характеръ, онъ отнимаетъ у христіанина всѣ его положительныя качества, всю его любовь, всю голубиность и кротость, онъ отнимаетъ у него всякую надежду на спасенье, онъ нарочно обрѣзываетъ ему крылья и утверж-

даетъ, что все должно погибнуть, что страданье обречено на безцѣльность, что нужно замучить человѣка и пріучить его къ вѣчному рабству, что зло, можетъ быть, лучше добра, что никогда никто не воскреснетъ и что не въ воскресеньи и любви, а въ нищетѣ духа, нищетѣ скорбной и безкрылой, и въ преданности жестокой казни Божіей —смыслъ этой жизни...

Каратель неумолимый и ненасытный, духовный палачъ человѣчества, Леонтьевъ предалъ поруганію святость христіанства и сквозную, нездѣшнюю простоту православія, онъ надѣлъ на себя мрачную одежду схимника во имя антихристовыхъ замысловъ, онъ исказилъ черты православія инквизиторскими, черными красками католицизма ..

Ополчаясь на морализмъ Толстого со всею яростью рьянаго католика-инквизитора, Леонтьевъ категорически заявляетъ, что христіанство не есть мораль, что любовь къ ближнему не такъ важна въ христіанствѣ и что лучше было-бы, если бы этой любви вовсе не было, христіанство мистично по существу и противорѣчитъ всему, что есть въ человѣчествѣ свѣтлаго и хорошаго, онъ издѣвается надъ простотой Толстого и предаетъ насмѣшкѣ его „розовый" оптимизмъ... Несомнѣнно, что въ критикѣ толстовства Леонтьевымъ было сказано много вѣрнаго, но есть ли въ этой критикѣ хоть одна искра подлиннаго христіанства—это другой вопросъ...

Въ толстовствѣ поражаетъ христіанская элементарность, оно непріятно и безвкусно своимъ протестантизмомъ, это вѣрно, и Леонтьевъ это очень тонко подмѣтилъ, но критика толстовства у Леонтьева простирается на все христіанство—и въ этой критикѣ – своеобразный характеръ его религіознаго міровоззрѣнія...

Сухой и ничѣмъ не согрѣтый морализмъ Толстого возмущалъ Леонтьева. Но послѣдній относился враждебно не только къ морализму Толстого, но также къ евангельской любви и къ простодушію первыхъ христіанъ. Основная заповѣдь Христа „возлюби ближняго, какъ самого себя", на которой зиждется христіанство—была ненавистна Леонтьеву. Какъ Ницше, онъ не понималъ, какъ можно любить ближняго. Но у Ницше по крайней мѣрѣ была любовь къ дальнему, въ этомъ, по моему кроется нѣчто не совсѣмъ простое, здѣсь намекъ на идеализмъ самаго высшаго качества; Леонтьевъ же неспособенъ полюбить и дальняго, онъ свято и безмѣрно любитъ лишь самого себя... Называя себя христіаниномъ, Леонтьевъ однако все время стремится вычеркнуть изъ заповѣдей Христа любовь къ ближнему, онъ прикрываетъ свою ненависть къ людямъ церковнымъ ученіемъ, въ которомъ будто-бы эта любовь не имѣетъ того значенія, что въ Евангеліи, но это лишь маска и церковь здѣсь ни при чемъ, изъ церковной формы Леонтьевъ старается создать новый, религіозный аморализмъ.

„Любовь къ человѣчеству есть ложь"—заявляетъ Леонтьевъ. Онъ иронизируетъ надъ моральными упованіями Толстого, говоря, что „стран-

но это расположеніе именно въ геніальномъ умѣ и въ наше время, послѣ цѣлаго вѣка неудачныхъ надеждъ на эту чистую мораль".

Леонтьевъ идетъ еще дальше, во имя своего индивидуализма — онъ старается извратить понятіе христіанства, онъ доказываетъ, что „Христосъ никогда не говорилъ о братствѣ народовъ, о мирѣ и гармоніи", христіанство, по его мнѣнію, не связано съ моралью, „никогда любовь и правда не будутъ воздухомъ, которымъ бы люди дышали" —провозглашаетъ Леонтьевъ. Въ одномъ мѣстѣ у него находимъ такое любопытное замѣчаніе: „Христіанство и гуманность можно уподобить двумъ сильнымъ поѣздамъ желѣзной дороги, вышедшимъ сначала изъ одного пункта, но которые, вслѣдствіе постепеннаго уклоненія путей, должны не только удариться другъ объ друга, но даже и притти въ сокрушающее столкновеніе"... Моралистическое христіанство, по мнѣнію Леонтьева—ложно и противорѣчитъ духу византизма и православія. Христіанство можетъ еще основываться на чистой морали, но православіе совершенно равнодушно относится къ этой проблемѣ, и именно за эту черту въ православіи Леонтьевъ принимаетъ его и становится ярымъ церковникомъ.

Желаніе отдѣлить мораль отъ ученія православной церкви постоянно проявляется у Леонтьева. Не всегда это ему удается, и вообще —это не столько забота о православіи, сколько о самомъ себѣ, стремленіе оправдать свой болѣзненный, доходящій до мракобѣсія—аморализмъ, а православіе здѣсь—только формальная маска... Защита церкви отъ аморализма выражается у Леонтьева, между прочимъ, въ такихъ словахъ: „Церковь не признаетъ святымъ ни крайне добраго и милосерднаго, ни самаго честнаго, воздержнаго, самоотверженнаго человѣка, если эти качества не связаны съ ученіемъ Христа, апостоловъ и св. отцевъ церкви. Основы вѣроученія, твердость этихъ основъ въ душѣ нашей важнѣе для церкви, чѣмъ всѣ прикладныя къ земной нашей жизни добродѣтели".

Святость имѣетъ для церкви, по мнѣнію Леонтьева, не столько нравственное, сколько м и с т и ч е с к о е значеніе. Мистику въ православіи Леонтьевъ превозносилъ и всегда противоставлялъ моральнымъ тенденціямъ свободныхъ христіанъ, но замѣчательно, что самъ онъ мистикомъ никогда не былъ, его мистика была ф о р м а л ь н а и проявлялась лишь въ той степени, въ какой она свойственна ортодоксальному православію... У него не находимъ ни одного болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія о загробной жизни, которую онъ признавалъ и которую видѣлъ лишь въ православіи, онъ старается всюду отдѣлаться отъ этой чисто мистической области—сухими, короткими фразами, болѣе похожими на формулы, чѣмъ на выраженія потусторонняго откровенія. У обыкновеннаго монаха это не казалось бы страннымъ, но у такого мыслителя, какъ Леонтьевъ, такое поверхностное, ускользающее и чисто формальное отношеніе къ одной изъ наи-

болѣе жгучихъ мистическихъ проблемъ крайне загадочно... И опять возникаетъ мысль: не есть ли эта формальность признакъ простого невѣрія? Не надѣлъ ли и здѣсь Леонтьевъ ярлыкъ формальной вѣры на обнаженную рану души, единственно затѣмъ, чтобы не показаться безумнымъ въ инквизиторскихъ своихъ замыслахъ, а можетъ быть просто затѣмъ, чтобы забыться и спастись хотя бы цѣною мертвой лжи словъ?

Что же ставилъ Леонтьевъ на мѣсто христіанской любви и оптимизма? Что вошло въ основы его удивительной аморалистическо-эгоистичной вѣры, которая, можетъ быть, была для него никому непонятной пыткой? Вся религія Леонтьева носитъ насильственный, трагическій характеръ и вся она зиждится на страхѣ Божіемъ, презрѣніи къ міру и къ культурной жизни, и н а в ѣ р ѣ в ъ п о л н о е у н и ч т о ж е н і е в с е г о. Если бы въ религіи Леонтьева понятіе Богъ замѣнить понятіемъ „нирвана, ничто", то получилось бы ученіе Шопенгауера съ Гартманновскими и Майллендеровскими дополненіями. Леонтьевъ—создатель своеобразнаго пессимистическаго христіанства, которое теперь привилось на Западѣ съ легкой руки Джемса, которое лелѣялъ мало кому извѣстный датскій мыслитель Киркегоръ, и на которомъ Розановъ основываетъ свою метафизику христіанства. Религія Леонтьева—это утонченная инквизиція мысли, и еслибы не эстетическій ея характеръ, Леонтьевъ врядъ ли бы удержался надъ пропастью... Но его міровоззрѣніе имѣло не столько жизненный характеръ, сколько собственно художественный, и его религія находила красоту и почву тамъ, гдѣ человѣкъ дѣйствія и чувства нашелъ бы гибель и безуміе...

Что вѣра Леонтьева была насильственна и искусственна—это не подлежитъ сомнѣнію и объ этомъ свидѣтельствуютъ его личныя признанія... Другой вопросъ: какая надобность была въ этой насильственной вѣрѣ? Я думаю, что въ этомъ отношеніи Леонтьевъ находился въ такомъ же положеніи, какъ и современный человѣкъ, изъѣденный скептицизмомъ, безпочвенностью и творческимъ безсиліемъ, весь ужасъ судьбы котораго въ томъ, что пустота и страхъ жизни сильнѣе для него какого бы то ни было спасенья .. Знаемъ, что пустота наша должна быть чѣмъ то великимъ и нужнымъ заполнена, но уйти и избавиться отъ пустоты не можемъ. Вѣримъ, что истина т о л ь к о въ Христѣ, но какая то роковая тайна, больною немощью отравляющая душу —мѣшаетъ намъ принять эту истину безъ колебаній... Умираемъ, не живя и вѣримъ, не горя и не распинаясь. Любимъ смерть свою больше, чѣмъ Бога, а покоя и спасенія отъ пустоты ищемъ такъ тщетно, такъ надрывно и такъ отчаянно!...

Эстетика и искусство не спасли Леонтьева. Не потому, что онъ мало любитъ искусство, а потому, что душа его была слишкомъ глубока, чтобы удовлетвориться этимъ. Онъ пресытился жизнью и пресытился утонченностью красоты, спасаться нужно было только въ ре-

лигіи. Кромѣ того—его путь стремился къ такому утвержденію личнаго Я, которое возможно лишь на основахъ религіи. Онъ въ религіи искалъ не только спасенья, но и сверхчеловѣческой власти, онъ здѣсь намѣревался найти не одно забвенье и одиночество, но и вѣчную жизнь. То, чего не достигъ Ницше вслѣдствіе своей антирелигіозности, было достигнуто Леонтьевымъ, благодаря возведенію имъ принципа аморализма и эготизма въ степень религіозныхъ цѣнностей. Геніальность Леонтьева въ томъ, что онъ стремился освятить въ человѣкѣ то, что до сихъ поръ признавалось безумнымъ, грѣховнымъ и вреднымъ. Онъ хотѣлъ утвердить крайній индивидуализмъ при помощи христіанства, онъ намѣревался дать человѣку свободу отъ моральныхъ догмъ и сдѣлать его въ религіи автономнымъ созидателемъ своихъ міровъ... Болѣе того- онъ хотѣлъ мечомъ христіанской силы уничтожить пошлость стадной жизни, мерзость курятниковъ и сытость соціализма, онъ хотѣлъ обречь весь міръ на казнь во имя избавленія отъ тѣхъ формъ жизни, которыя ему были ненавистны и къ которымъ стремится прогрессъ...

Тернистость пути Леонтьева въ томъ, что вѣра его была принудительна. Онъ ухватился за православіе, какъ за противоядіе, онъ хотѣлъ укрыться въ монастырѣ и въ церкви отъ культуры. Но не могъ найти въ себѣ того огня, который бы вознесъ его на вершины. И это потому, что больше хотѣлъ вѣрить, чѣмъ вѣрилъ.

Въ слѣдующихъ словахъ Леонтьева находимъ указаніе на тернистость его религіознаго пути: „Религія не всегда утѣшеніе, во многихъ случаяхъ она тяжелое иго, но кто истинно увѣровалъ, тотъ съ этимъ игомъ никогда не разстанется!“...*) Для Леонтьева такая вѣра была игомъ именно потому, что онъ заставлялъ себя вѣрить въ то время, когда мысль его уходила на поля, лежащія по ту сторону всякой вѣры. Онъ зналъ, что истина только въ православіи и въ церкви, но его сознаніе не было для него жизнью, а только мыслью одной. И оттого, что эта мысль противорѣчила его дѣйствіямъ, всему складу его эгоистической, жестокой и чувственной, даже порочной натуры, оттого, что увѣровать чувствомъ онъ не могъ, Леонтьевъ страдалъ и терзался... „Вѣра—абсурдъ“ признается онъ, а между тѣмъ я „вѣрую и слушаюсь“... Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе и яснѣе: „Подчинять себя произвольно и насильственно, вопреки цѣлой бурѣ внутреннихъ протестовъ, мнѣ кажется, это есть настоящая вѣра“.

Все это, вся эта мука принудительной и насильственной вѣры была отрадна Леонтьеву по одной причинѣ. Онъ не могъ жить тою жизнью, которою жили современные ему люди, онъ не могъ вынести

---

*) Курсивъ мой А. З.

того насилія надъ свободой личности, которое процвѣтало въ Европѣ благодаря соціализму и грозило Россіи, онъ ненавидѣлъ жалкость, безцвѣтность и безличность современнаго ему общества, лишеннаго элементовъ оригинальности и героизма, онъ ненавидѣлъ современную технику, желѣзныя дороги, машины, онъ презиралъ науку и, какъ Гюисмансъ, утверждалъ, что знаніе хуже незнанія... Ему не было мѣста въ XIX вѣкѣ, онъ долженъ былъ вернуться къ прошлому, чтобы жить. Онъ любилъ турокъ за ихъ дикость, онъ обожалъ застывшій въ православіи византизмъ за его устремленность отъ міра, за его презрѣніе ко всему, за его суровую, мрачную скорбь... Для Леонтьева не было другого выхода, какъ вернуться къ прошлому хотя бы въ мечтѣ. Онъ спасся подъ сводами православной церкви отъ ненавистной ему современности, отъ культуры и измельчанія, въ которое было погружено человѣчество, онъ зналъ, что другого пути нѣтъ и не можетъ быть, поэтому ему оставалось только примириться со всѣми догматами церкви, смириться передъ ея желѣзными основами, отдаться всецѣло ея власти, и этимъ безропотнымъ, насильственнымъ смиреніемъ убить въ себѣ всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія, всю дерзость своеволія... Это ему не удалось, но онъ не переставалъ до конца жизни проповѣдывать самое послѣднее смиреніе, онъ соглашался со всѣмъ тѣмъ, чему учила церковь, онъ вѣчно повторялъ: „надо бояться церкви", онъ доказывалъ, что писанія св. отцевъ важнѣе Евангелія и укорялъ Соню Мармеладову за то, что она только читала Евангеліе, а не служила молебновъ, не почитала священниковъ и не прикладывалась къ св. мощамъ!..

Леонтьевъ отрицалъ христіанскую любовь и добродѣтель, потому что ни та, ни другая не находили отклика въ его душѣ, онъ училъ и проповѣдывалъ, что страхъ Божій гораздо нужнѣе и выше любви, что нужно бояться Бога и что только въ страхѣ, послѣднемъ безнадежномъ рабствѣ и въ тупомъ, безкрыломъ и безцѣльномъ страданіи—смыслъ жизни... „Кто допускаетъ Бога, тотъ долженъ его бояться"—повторялъ Леонтьевъ. „Кто боится, тотъ смиряется, кто смиряется, тотъ ищетъ власти надъ собою, власти видимой, осязательной, онъ начинаетъ любить эту власть духовную, мистически такъ сказать оправданную предъ умомъ его"... „Любовь, не соединенная со страхомъ Божіимъ—не есть христіанская любовь"...

Въ этомъ ученіи Леонтьева о страхѣ Божіемъ, о жестокомъ, карающемъ и страшномъ Богѣ, которому нужны кровь и насилья, который замучилъ міръ и погрузилъ человѣчество въ безнадежную скорбь,—очень мало христіанскаго, оно отзывается іудаизмомъ, все православіе противорѣчитъ такому пониманію Божества, не говоря уже объ Евангельскомъ ученіи. Такимъ образомъ и здѣсь мы лишній разъ убѣждаемся, что стремленіе Леонтьева принять всецѣло и безропотно ученіе церкви—не приводилось имъ въ исполненіе, и что и въ этомъ

отношеніи Леонтьевъ не принималъ, а индивидуализировалъ христіанство.

Леонтьевъ ставилъ на мѣсто прославляемой либералами свободы деспотизмъ, насиліе и рабство. Онъ восхищался политикой Николая I-го, такъ какъ въ ней онъ видѣлъ осуществленіе своей завѣтной мысли, чтобы „подморозить" Россію, обречь ее на мученія и пытки, вытравить въ ней всѣ зачатки европеизма, вернуть ее къ дикому, варварскому состоянію, и тѣмъ спасти ее отъ кретинизма Запада... Вся политика Леонтьева есть инквизиція надъ Россіей, надъ русской интеллигенціей и общественной мыслью. Онъ думалъ, что, вмѣшавшись въ политику—онъ чего нибудь достигнетъ, но это была только старая ложь. Какъ Ницше, Леонтьевъ зналъ, что „всякая философія, которая вѣритъ, что политическое событіе можетъ вытѣснить, или даже разрѣшить проблему бытія, есть насмѣшка и каррикатура на философію", однако на свою политическую дѣятельность Леонтьевъ смотрѣлъ какъ на свое призваніе.

Какъ уму глубокому, ему было вѣдомо, что всякая политика и всякая общественность есть ложь преходящаго дня, что нужно творить только для вѣчности, что сколько ни пиши статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ" о томъ, что Россію нужно „подморозить", никто не пойметъ, зачѣмъ это нужно, а стадо барановъ всегда будетъ торжествовать надъ оригинальностью одинокой мысли...

И все же онъ продолжалъ дѣлать эти ненужныя вещи, не смущаясь той скукой, которая вѣетъ отъ нихъ. И это случайно, и это непріятно въ такомъ полномъ духовнаго аристократизма умѣ, какъ Леонтьевъ. Вѣдь имъ были сказаны удивительныя слова, которыя уже сами по себѣ уничтожаютъ смыслъ всякой политики: „Какія бы революціи ни происходили въ обществѣ, какія бы реформы ни дѣлали правительства—все остается; но является только въ иныхъ сочетаніяхъ силъ и перевѣса, больше ничего... даже и рабство никогда не уничтожалось вполнѣ и не только не уничтожится, но вѣроятно вскорѣ возвратится къ новымъ и, вѣроятно, болѣе прочнымъ формамъ своимъ"...

Отдавая дань житейскому, Леонтьевъ по ошибкѣ ратоборствовалъ въ рядахъ консерваторовъ, всегда оставаясь среди нихъ одинокимъ чудакомъ, непонятнымъ и чужимъ, но если бы постигли тайну его эти же сами консерваторы, они бы въ ужасѣ отшатнулись и отреклись отъ него. Вѣдь онъ и для нихъ, для всѣхъ людей вообще ковалъ мыслью золотыя, но прочныя цѣпи вѣчнаго рабства, вѣчнаго отчаянья и вѣчной тюрьмы, которая навсегда закрыта для малѣйшаго луча свѣта, вѣдь онъ молился м. б. только о томъ, чтобы все человѣчество скорѣе полетѣло къ чорту вверхъ тормашками, вѣдь онъ надѣялся только на полное уничтоженіе и полную гибель всего міра!..

Онъ писалъ меньшиковскія передовицы въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, стряпалъ по всѣмъ правиламъ ретроградства образцовыя статьи для „Гражданина“—и всѣ думали, что это и есть настоящій Леонтьевъ. На самомъ же дѣлѣ то была лишь его маска. На самомъ дѣлѣ среди всего этого онъ пряталъ отъ всѣхъ свое окончательное, послѣднее слово, въ которомъ была душа его, въ которомъ таился ядъ его устремленій. Иногда это страшное, послѣднее слово проскальзывало между этими мусорными статьями и передовицами, но его никто не замѣчалъ, его никто еще не умѣлъ прочесть. А Леонтьевъ говорилъ такъ ясно, такъ опредѣленно, онъ писалъ чернымъ по бѣлому, а стадо слушало, разинувъ рты и мычало: „консерваторъ, ретроградъ, мракобѣсъ“... Онъ же говорилъ такъ изумительно откровенно, такъ громко, прикрываясь лживыми масками для приличія. Онъ говорилъ во всеуслышаніе: „Окончательное слово? Что такое окончательное слово на землѣ? Окончательное слово можетъ быть одно: конецъ всему на землѣ! Прекращеніе исторіи и жизни“.

Леонтьевъ училъ о красотѣ ядовитаго и всеразрушающаго Зла, онъ дошелъ до того, что приписывалъ даже Церкви проповѣдь Зла, онъ говорилъ тонко и остро: „Чтобы самарянину было кого пожалѣть, и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники. Разумѣется, тутъ естественно слѣдуетъ вопросъ: „кому же взять на себя роль разбойника, кому же олицетворять Зло, если это не похвально?“.

Зло и страданье были для Леонтьева тѣмъ же, чѣмъ для истинныхъ христіанъ добро и любовь... Вся его дѣятельность, весь его геніальный умъ были направлены къ тому, чтобы примирить идею страданья и зла съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ какъ Евангеліе явно противорѣчило этому, то Леонтьевъ ухватился, какъ за соломинку, за православную Церковь, утверждая, что она относится равнодушно (Леонтьеву не хватало совѣсти сказать: „терпимо!“) ко злу... Бремя страданья Леонтьевъ возложилъ на плечи человѣчества съ неумолимостью палача, съ кровожадностью тиранна, онъ призывалъ утонуть въ страданьи навѣки и добровольно отказаться отъ всякой надежды на облегченье. Своею холодной жестокостью онъ тоскливо пронзилъ лишь собственную душу, а міръ отшатнулся отъ него со страхомъ, какъ отъ вампира. Слишкомъ много было въ его ученіи изводящей, ледяной жестокости, чтобы могъ его принять міръ, слишкомъ много было въ рѣчахъ его надменной ненависти и невозмутимаго спокойствія палача, и не было даже той, хотя бы маленькой, добродѣтельной лжи, за которую человѣчество прощаетъ всякую невыносимую правду!..

При жизни не было учениковъ у Леонтьева, не было и внимательныхъ читателей, ибо никто не рѣшался итти за человѣкомъ, уче-

ніе котораго не можетъ дать никакой надежды и никакого утѣшенія!.. Леонтьевъ не въ состояніи былъ утѣшить своихъ учениковъ, онъ могъ имъ предложить горькую пилюлю никому ненужной и никому непонятной правды... Онъ призывалъ къ страданію ради самаго страданія, онъ готовъ даже примириться съ любовью, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы эта любовь непремѣнно соединялась какъ бы гармонично („въ виду высшихъ цѣлей") съ враждою и зломъ...

Какъ и Достоевскій, Леонтьевъ зналъ тайну страданія, зналъ тотъ инквизиторскій секретъ, по которому „все болитъ у древа жизни людской"; какъ Достоевскій, Леонтьевъ вѣдалъ, что путь человѣческой жизни долженъ проходить сквозь огонь муки, но въ воззрѣніяхъ на страданіе Достоевскаго и Леонтьева замѣчается большая разница. Достоевскій былъ апологетомъ страданія не ради самого страданія, а ради той цѣли, которая въ немъ заключается, ради освобожденія и возрожденія цѣною страданія... Идея страданія у Достоевскаго есть христіанская идея спасенія и воскресенія, и герои Достоевскаго, и онъ самъ пользуются страданіемъ, какъ средствомъ для высшихъ цѣлей, здѣсь страданіе является величайшимъ благомъ, потому что оно очищаетъ, облагораживаетъ человѣка, освящаетъ его душу; у Достоевскаго страданіе—якорь спасенія, и не ради самого страданія онъ обрекалъ свою душу на жестокія казни, а во имя того просвѣтленія и освобожденія, которое является результатомъ страданія и ради котораго нужно страдать. Кромѣ того Достоевскій проповѣдывалъ любовь къ ближнему, старецъ Зосима, Алеша, князь Мышкинъ, Долгорукій—отецъ,—являлись для него этапами широкой, чисто христіанской, возвышенной любви къ ближнему. Зосима призывалъ любить не только человѣка, но всякую тварь Господню, всякую травку, онъ училъ цѣловать землю и обливать ее слезами просвѣтленья и умиленія. Въ Зосимѣ символизировалась тайна русской вѣры, именно такова и есть она—вѣра русской души, вѣра свѣтлая, пронзенная болью насквозь, но вся преображенная въ этой блаженной боли, вся нездѣшняя и какъ бы тающая въ экстазѣ.

Все это было Леонтьеву ненавистно въ Достоевскомъ. Онъ относился къ Достоевскому съ глубокой враждой, онъ даже ненавидѣлъ его,—и это особенно поразительно и непонятно, такъ какъ изъ современныхъ Леонтьеву людей, — только одинъ Достоевскій могъ бы его понять... Онъ называлъ Достоевскаго „моралистомъ", а для Леонтьева выраженіе „моралистъ" было чуть-ли не браннымъ словомъ, онъ не могъ простить Достоевскому его тенденцію—злости въ проповѣди страданія и любви къ ближнему, о которой говоритъ Достоевскій на Пушкинскомъ юбилеѣ... Онъ упрекалъ его въ космополитизмѣ и въ томъ, что Достоевскій, несмотря на всѣ перенесенныя имъ бѣдствія, несмотря на жестокость жизни, можетъ еще вѣрить въ человѣка и говорить о любви къ нему!..

Леонтьевъ упрекалъ Достоевскаго въ томъ, что онъ извратилъ въ лицѣ старца Зосимы понятіе православія, сдѣлавъ послѣднее слишкомъ розовымъ, слишкомъ умилительнымъ и оптимистическимъ. Онъ не могъ простить Достоевскому его нецерковности и того, что въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ нѣтъ ни одной церковной службы, ни одного молебна!.. Творчество Достоевскаго было чуждо Леонтьеву, и это тѣмъ болѣе непонятно, что онъ самъ еще во время своего студенчества, по своему же собственному признанію „понималъ только страдальческія, болѣзненныя произведенія, болѣзненно мыслилъ, безпокойно страдалъ все высокими и тонкими страданьями“. Реализмъ Достоевскаго возбуждалъ въ Леонтьевѣ такое же отвращеніе, какъ и реализмъ Толстого, онъ называлъ трагизмъ Достоевскаго „трагизмомъ ночлежныхъ домовъ, домовъ терпимости и почти что Преображенской больницы“, онъ говорилъ съ брезгливостью тонкаго и изысканнаго эстета, что „трагизмъ Достоевскаго можетъ пожалуй разохотить только какихъ-нибудь психопатовъ, живущихъ по плохимъ меблированнымъ комнатамъ“. Такое отношеніе не только несправедливо, оно прежде всего изобличаетъ въ Леонтьевѣ совершенное непониманіе русскаго духа и русскаго творчества: такъ о Достоевскомъ могъ бы сказать только иностранецъ, человѣкъ Запада, которому чуждъ трагизмъ русской души...

Идея страданія у Леонтьева полярно противоположна страдальческой осаннѣ Достоевскаго. У Леонтьева страданье имманентно и довлѣетъ самому себѣ, онъ смотритъ на боль и страданье лишь какъ на музыкальныя красоты, безъ которыхъ немыслима исторія, у Леонтьева страданье лишено всякой цѣли, всякаго смысла и лишено просвѣтовъ. Оно играетъ лишь эстетическую, а не нравственную роль. Такъ упивался человѣческими пытками какой-нибудь верховный жрецъ святѣйшей инквизиціи, у котораго садизмъ и эстетика сливались въ одно.

Толстой цѣнилъ бѣдствія и испытанія за то, что въ нихъ проявлялась идея добра, Достоевскій боготворилъ муку потому, что въ ней всякій униженный и падшій можетъ воскреснуть и подняться до престола Божія, потому что осанна и величайшій восторгъ возможны только въ страданіи... Пожалуй, можно допустить, что Достоевскій при этомъ имѣлъ въ виду моральную цѣль, но это мораль высшаго качества мораль мистическая, исчезающая въ томъ священномъ безуміи, которое приноситъ человѣку осанна...

И Толстой, и Достоевскій, и вся русская литература, культивируютъ нравственное значеніе человѣка, проповѣдуютъ, что человѣкъ лишь средство, а не цѣль, и что конечная цѣль этой жизни въ томъ Царствіи Божіемъ, въ томъ благополучіи и совершенствѣ, которыя можетъ быть не скоро, м. б. цѣною гибели многихъ поколѣній, а все же — воцарятся здѣсь, на землѣ. Русская мысль не имѣетъ въ виду отдѣльнаго человѣка, а всѣхъ людей, міровая скорбь и желаніе от-

дать жизнь за идею всѣхъ—вотъ особенности русскаго міровоззрѣнія. И если даже это послѣднее и подымается на вершины безумнаго индивидуализма (какъ напр. у Достоевскаго), то все же главная цѣль, главная сущность заключается не въ томъ, чтобы удержать этотъ индивидуализмъ на должной высотѣ, а въ томъ, чтобы отказаться отъ него, покаяться въ немъ, какъ въ грѣхѣ, и въ страданіи за всѣхъ, въ жертвахъ и мукѣ искупить этотъ грѣхъ. Русскій человѣкъ и въ особенности русская женщина—отъ природы болѣютъ за ближняго. Въ этомъ какая-то особенная теплота, какая-то таинственная оригинальность русской общественности, которая въ сущности не общественность, а подвигъ и смыслъ жизни, религія. Русская общественность до 90-хъ годовъ была постольку религіозна, поскольку мораль, любовь къ ближнему и самопожертвованіе преобладали въ ней надъ партійной ортодоксіей. Символъ русскаго религіознаго экстаза, русской нездѣшности и тайны — князь Мышкинъ. И почти въ каждой русской дѣвушкѣ просвѣчиваетъ Нестеровская великомученица Варвара. Въ міросозерцаніи русскомъ больше надломленнаго, всепрощающаго безсилія, чѣмъ осужденія міру, чувство покоряетъ здѣсь разумъ и совѣсть побѣждаетъ тьму. Стремленіе къ личному совершенству, аскетизмъ и мораль, достигшая мистическаго апогея—вотъ отличительный характеръ русской религіозной мысли, и въ этомъ отношеніи она по преимуществу этична, въ Евангельскомъ смыслѣ...

Вотъ почему Леонтьевъ такъ одинокъ и такъ чуждъ Россіи на этомъ фонѣ, несмотря на весь свой патріотизмъ и на все свое православіе!.. Въ немъ много западнаго, много той суховатости, того остраго интеллектуальнаго, замкнутаго въ себѣ, сдержаннаго эстетизма, который свойственъ писателямъ Запада... Его жестокость—это жестокость фанатическаго католика, чуждаго той мистики страданья, той просвѣтленности въ страданіи, которыя вѣдомы только русской душѣ. Его принудительная вѣра, его страхъ Божій, его идея конца—мало понятны открытой, прямой и простой душѣ, но за то все это могъ бы прекрасно понять такой неистовый поджигатель и мрачный духовный палачъ, какимъ является французъ Леонъ Блуа, этотъ Леонтьевъ въ католичествѣ, этотъ богохульникъ въ религіи, этотъ свирѣпый и кровожадный пророкъ и апологетъ средневѣковья, который такъ же чуждъ и непонятенъ современной Франціи, какъ въ свое время Леонтьевъ въ Россіи!.. Леонъ Блуа только тѣмъ и жилъ, что разрушалъ, жегъ, проклиналъ и буйствовалъ, раздавая вокругъ кровавыя пощечины критикамъ, пока буржуазная Франція не выбросила его изъ своего общества. Одинокимъ странникомъ доживаетъ теперь свои дни этотъ хищный демонъ, умирая отъ нищеты, слоняясь безъ гроша въ карманѣ по Парижскимъ улицамъ. Ему теперь 70 лѣтъ, но никто, кромѣ Гюисманса да Барбэ д'Оревильи не оцѣнилъ его исключительнаго генія!.. Какъ Леонтьевъ, Блуа пришелъ къ католической церкви ради защиты отъ

буржуазнаго стада, и ему была вѣдома насильственная вѣра, но онъ, молясь—неоднократно проклиналъ Бога за то, что Онъ такъ одинокъ и такъ глухъ къ страданіямъ земли, къ кровавому ужасу жизни!.. Какъ Леонтьевъ,—Леонъ Блуа ненавидитъ современность и лелѣетъ идеалъ средневѣковья, онъ даже монархистъ и консерваторъ, въ своемъ сочиненіи „La chevalière de la mort“ онъ молится на Марію Антуанетту, называя ее святою мученицей и героиней. Блуа утверждаетъ, что Францію погубила революція и, подобно Леонтьеву, надѣется лишь на огненную катастрофу міра. Этотъ безумный геній современной Франціи, совпаденіе идей котораго съ замыслами Леонтьева, поразительно, совершенно неизвѣстенъ въ Россіи, а между тѣмъ—міровоззрѣніе Блуа—едва-ли не самое замѣчательное явленіе въ современной Европѣ.

Достоевскій вѣрилъ въ человѣка и въ любовь къ нему такъ же, какъ вѣрила въ это современная Леонтьеву Россія. Вотъ почему такъ странно звучатъ слова Леонтьева о томъ, что никогда не построится небесный Іерусалимъ, о томъ, что правды никогда не будетъ, о томъ, что даже цѣною страданія, цѣною величайшихъ мукъ человѣкъ не можетъ купить себѣ свободу отъ смерти въ этой жизни, о томъ, что жизнь и любовь возможны лишь за гробомъ!... Эти слова пролетѣли мимо ушей русскаго читателя, ихъ никто не понялъ, никто не поразился ихъ необычайностью, ихъ смѣлой оригинальностью, особенно неожиданной въ то время, когда Толстой писалъ „Чѣмъ люди живы“, въ то время, какъ Соня Мармеладова говорила Раскольникову: „иди на площадь, поклонись всему міру, страданье прими!“, въ то время, какъ вся русская литература учила о Царствѣ Божіемъ на землѣ, о свободѣ и о благоденствіи, о любви и о милосердіи. Эти учители русскаго народа, эти проповѣдники добра и прекраснодушія вели русскую интеллигенцію къ правдѣ и къ христіанскимъ заповѣдямъ мира и благоденствія, а среди нихъ, одиноко и почти незамѣтно, стоялъ гордый отшельникъ изъ Оптиной Пустыни, и наперекоръ всему этому „розовому“ идеализму, наперекоръ этой простой и незатѣйливой мудрости—говорилъ открыто и дерзко, не столько обращаясь къ ведомому добрыми пастырями стаду, сколько къ самому себѣ: „Христосъ не обѣщалъ намъ въ будущемъ воцаренія любви и правды на землѣ, нѣтъ, Христосъ проповѣдывалъ не гармонію всеобщую, а всеобщее разрушеніе.. Терпите! Всѣмъ лучше никогда не будетъ! Однимъ будетъ лучше, другимъ станетъ хуже! Такое состояніе, такія колебанія горести и боли—вотъ единственно возможная на землѣ гармонія! И больше ничего не ждите. Помните и то, что всему бываетъ конецъ, даже скалы гранитныя вывѣтриваются, подмываются; даже исполинскія тѣла небесныя гибнутъ... Если же человѣчество есть явленіе живое и органическое, то тѣмъ болѣе ему долженъ настать когда нибудь конецъ. А если будетъ конецъ, то какая нужда намъ такъ заботиться о благѣ будущихъ, далекихъ, вовсе даже непонятныхъ намъ

поколѣній? Какъ мы можемъ мечтать о благѣ правнуковъ, когда мы самое ближайшее къ намъ поколѣніе—сыновъ и дочерей—вразумить и успокоить дѣйствіями разума не можемъ? Какъ можемъ мы надѣяться на всеобщую нравственную или практическую правду, когда самая теоретическая истина или разгадка земной жизни до сихъ поръ скрыта для насъ за непроницаемой завѣсой; когда и великіе умы, и цѣлыя націи постоянно ошибаются, разочаровываются и идутъ совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ они искали? Побѣдители впадаютъ почти всегда въ тѣ самыя ошибки, которыя сгубили побѣжденныхъ ими... Ничего нѣтъ вѣрнаго въ реальномъ мірѣ явленій.

„Вѣрно только одно—точно одно, одно только несомнѣнно — это то, что все здѣшнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земномъ благѣ грядущихъ поколѣній? На что эти младенчески болѣзненныя мечты и восторги? День нашъ—вѣкъ нашъ“.

Такова была трагическая правда этого удивительнаго, безстрашнаго мыслителя, который нашелъ въ себѣ силы не только прожить съ такимъ безумнымъ отчаяніемъ въ душѣ, но такъ же гордо и безстрашно унести съ собой въ могилу свою никому невѣдомую тайну... Каково его отношеніе къ христіанству и къ церкви? Вѣровалъ-ли онъ дѣйствительно въ то, о чемъ говорилъ, былъ-ли его „трансцедентный эгоизмъ“, т. е. вѣра въ загробную жизнь — для него утѣшеніемъ, или же и религія его, и монастырь, и православная церковь — были для него лишь мудрыми символами другой, какой-то отчаянной и мрачной истины, которую онъ хотѣлъ санкціонировать не внушающимъ подозрѣнія, обычнымъ и всѣмъ понятнымъ образомъ? Кто былъ Леонтьевъ? Язычникъ-ли, или христіанинъ? Гордый-ли и презирающій человѣчество аристократъ—эстетъ, или Іоаннъ Грозный въ христіанствѣ? Какъ примирить его аморализмъ, садическую жестокость и бунтъ противъ міра съ тѣми догматами церкви, которые онъ уважалъ и которые, какъ никакъ, а все же вытекаютъ изъ Евангельскаго ученія о добрѣ, милостынѣ и любви? Наконецъ—видѣлъ-ли Леонтьевъ въ своей кельѣ ликъ Христовъ, тотъ свѣтлый и полный кротости и любви Ликъ, изъ котораго, какъ изъ купола храма — развертывается христіанство, или же православіе Леонтьева было безъ Лика Христова, а на мѣстѣ Его чернѣлъ воздвигнутый ради какихъ-то инквизиторскихъ замысловъ—свирѣпый и грозный обликъ Антихриста?...

Все это вопросы, которые требуютъ спеціальныхъ изслѣдованій и которые врядъ-ли могутъ быть разрѣшены, ибо вся сфера Леонтьева—это лабиринтъ безъ выхода, это одинъ тусклый и неподвижный взглядъ Сфинкса.

Леонтьевъ стоитъ такъ же одиноко въ исторіи философской мы-

сли, какъ и Ницше—и врядъ ли ученье его оказало какое-либо вліяніе на современныхъ ему людей. Одно, что упрочилось въ русскомъ религіозномъ сознаніи послѣ Леонтьева—это элементъ эстетическаго христіанства и отчасти идея византизма. Сильное вліяніе Леонтьевъ оказалъ лишь на одного русскаго мыслителя—В. Розанова, и правъ священникъ Аггеевъ указывающій въ своей диссертаціи о Леонтьевѣ на зависимость взглядовъ Розанова отъ Леонтьева. Всю свою метафизику христіанства Розановъ построилъ на Леонтьевскомъ пессимизмѣ, я даже думаю, что не будь Леонтьева—не было бы и Розанова.

Самое удивительное въ Леонтьевѣ—его твердая стойкость и гранитная сила, не покидающая его все время, когда онъ подрѣзывалъ жизнь, отравлялъ ее и подводилъ подъ нее мины. Что спасало его отъ паденья, что окрыляло его душу, въ чемъ тайна Леонтьева, тайна его безнадежной и убійственной вѣры? На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами другого отшельника, во многомъ близкаго Леонтьеву—Ницше: „*Но кто ищетъ во всемъ неправды и добровольно пріобщаетъ себя несчастью, тому, можетъ быть, уготовано иное чудо разочарованія: нѣчто невыразимое, по сравненію съ чѣмъ счастье и истина суть лишь ночныя чудища!...*“

Книги Александра Закржевскаго.

Сверхчеловѣкъ надъ бездной. (Религія подвига. Мистика жизни и смерти. Психологія самоубійства). Кіевъ, 1911. Ц. 1 р.

Подполье. Психологическія параллели. Книга I: Достоевскій, Л. Андреевъ, Ѳедоръ Сологубъ, Левъ Шестовъ, Алексѣй Ремизовъ, М. Пантюховъ. Кіевъ, 1911. (Распродано).

Карамазовщина. Психологическія параллели, кн. II: Достоевскій, Валерій Брюсовъ, В. В. Розановъ, М. Арцыбашевъ. Кіевъ, 1912. Ц. 1 р. (Распродано).

Религія. Психологическія параллели, книга III: Достоевскій, З. Н. Гиппіусъ, Д. Мережковскій, Н. М. Минскій, С. Булгаковъ, Н. А. Бердяевъ, В. В. Розановъ, Андрей Бѣлый, Вяч. Ивановъ, Александръ Блокъ, Алекс. Добролюбовъ. Кіевъ, 1913. Ц. 2 р.

Рыцари безумія (футуристы). Кіевъ, 1914. Ц. 1 р.

Лермонтовъ и современность Кіевъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Одинокій мыслитель (Константинъ Леонтьевъ). Кіевъ, 1916 г. Ц. 50 к.

Земля преображенная. (Творчество Елены Гуро). Готовится къ печати.

Цѣна 50 коп.

